

А. БУШКОВ

ВОЛЧЬЯ
СТАЯ

ОЛМА МЕДИА ГРУПП

Александр Александрович Бушков

Волчья стая

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122174
Волчья стая: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2011
ISBN 978-5-373-04111-9

Аннотация

Некие дельцы основывают «дом отдыха» для богатых людей – концлагерь, в котором за хорошие деньги можно пощекотать себе нервы, а желаешь – попробовать устроить побег. Не опасно, как в кино, и в любой момент можно вернуться на свое рабочее место – брокера и бизнесмена. Но через некоторое время «лагерь понарошку» превращается в лагерь обыкновенный и из господ капиталистов начинают вытрясать деньги уже по-настоящему. Так что изречение: «Кто платит, тот и заказывает музыку» – далеко не всегда справедливо.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	29
Глава пятая	37
Глава шестая	46
Глава седьмая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Бушков

Волчья стая

«Зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток».

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»

«Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу».

О. Генри «Дороги, которые мы выбираем»

Большинство действующих лиц романа вымышлены, а те, чьи прототипы существуют в реальности, никогда не совершали ничего из приписанного им автором.

Александр Бушков

Часть первая

Весь мир – театр

Глава первая

Веселуха, господа, веселуха!

Часов, конечно, не было ни у кого, но человек и не к таким неудобствам приспособился, причем в хорошем темпе, – и за неделю они уже начали кое-что соображать. Когда солнце (по определению Синего, «балдоха») оказывалось аккурат над вершиной возвышавшейся за озером сопки, над кучкой высоченных кедров, таким рыцарским плюмажем украшавших лысоватую макушку, – тут-то и наступало время законного обеда, поскольку орденг есть орденг, это общеизвестно.

Конечно, они уже заранее поглядывали за озеро, на кедров и солнце, – но прошло довольно много времени, прежде чем рыжий Ганс появился на кромке огромного, но неглубокого котлована. Расставил пошире ноги в начищенных сапогах, картинно держась за висевший на груди шмайсер, долго взирал на копошившихся в котловане землекопов – тянул время, сука рыжая, использовал на всю катушку свой крохотный ломоток властишки. Притворялся, будто не замечает, как на него зыркают украдкой. Лагерная кличка у него была Чубайс – за рыжину и вредность. Ганс на нее крепко обижался, но что ты тут поделаешь?

Эсэсовец постоял еще немного, старательно изображая, что в приступе тяги к высокой эстетике любит пейзажем, потом заорал во всю глотку:

– Обед, кацетники! Жрать!

И предусмотрительно отступил подальше от того места, где по пологому откосу обычно и выходили из котлована, чутко напряжился. Рядом появился Вилли с овчаркой на поводке. Это Рудольф откровенно сачковал, не хуже кацетников, а Ганс с Вилли к службе относились со всем рвением, подловить их нечего было и пытаться...

«Полосатики» живенько потянулись к откосу, напутствуемые бравыми воплями Ганса:

– Лопаты не бросать, мать вашу! Сколько долблю? В землю втыкайте аккуратненько, друг возле дружки! Кому говорю, жопа лысая? Швайн! Дома лопату тоже кидаешь где попало? Да не ты жопа лысая, а вон та, которая еще и пузатая! Швайн!

– Ферфлюхтер хунде, цум тойфель! – поддержал его Вилли, демонстрируя тем самым не в пример большую интеллигентность. – Абер шнель!

Овчарка тоже вносила свою лепту, гавкая и дергаясь на прочном плетеном поводке. Намордник у нее был основательный, но лаять не мешал.

– По бригадам разбивайсь, по бригадам! – орал Ганс. – Что вы мне стадом претесь? На митинг вышли, что ли? Вы в лагере или где? Первая бригада, пошла! Порядок соблюдать, а то без обеда вмиг оставлю! Первая пошла, вторая готовится!

Насчет обеда, конечно, было сказано чересчур цветисто – не заслуживала полуденная жратва столь высокого названия. Вся она, вся до единой пайки, уместалась в пластиковом пакете с яркой картинкой, такие в любом магазине стоили штуку и рвались, стоило туда запихать что-то посолиднее полудюжины бутылок пивка. Паскуда Фриц, удобно рассевшийся на прибитой к двум пенькам толстой доске, конечно же, опять выбрал картинку отнюдь не случайно – на пакете красовалась грудастая блондинка, имевшая на себе из одежды лишь белую маечку, да и то мокрую до полной прозрачности.

Пока «полосатики» подравнивались, добываясь согласно правилам идеальной шеренги, Фриц поигрывал здоровенным охотничьим ножом с наборной рукояткой из березы и жизнерадостно ржал:

– Хороша кукла, доходяги? А ведь стебет кто-то, это уж как закон. Да вы не чинитесь, взяли и спустили в штаны вместо десерта, дело житейское... Ну, стали? Номер один, шаг вперед! Держи пайку. Дома, поди, такой роскоши и не видывал?

Оружия при нем не было – черные научены горьким опытом, кто-то однажды завладел пистолетом раздатчика, хотя того и страховали охранники. Ну, а нож отбирать бессмысленно, что ты с ним в данной ситуации будешь делать?

Фриц сноровисто пластал буханки на четвертушки, а колбасу резал на глазок, сохраняя лишь минимум справедливости. Впрочем, у него и четвертушки получались безнадежно далекими от симметрии. Кто-то, как всегда, уныло ворчал, зная, что ничего этим не изменит, а Фриц, опять-таки, как всегда, столь же рутинно отругивался:

– Я вам, бля, не ювелир, нехер изощряться тут...

– Ну ты уж вовсе обнаглел! – возмутился Синий, получивший особенно куцый колбасный обрубок.

– Я что, себе эконоблю? – лениво фыркнул Фриц. – Меньше сожрешь, товарищам больше достанется. Солидарность у тебя где?

Синий сквозь зубы и в рифму коротко объяснил, где в данном случае находится эта самая пресловутая солидарность, но больше спорить не стал – все равно бесполезно. Отошел развинченной походочкой, сел под кедром и брезгливо принялся обдирать кожуцу со своего обрубка. В этом весь обед и заключался – четвертушка буханки и кусок скользкой, синюшно-бледной ливерной колбасы. Не просто обед, а еще и ежедневная лотерея – благодаря Фрицеву раздолбайству. Поневоле это превращалось в событие, каковыми здешняя жизнь была чертовски бедна: кусок побольше – нешуточный повод порадоваться, кусок поменьше – соответственно, повод для грусти. Классический лагерный набор впечатлений. Согласно апологетам жанра.

Когда все три бригады получили небогатую жратву, Фриц потряс опустевшим пакетом: – Уркаганы, никому не надо? Глядишь, вечером и подроците, на ляльку глядя.

Никто на него не обратил внимания – и эта хамская шуточка давно приелась, Фриц был субъектом ограниченным, не способным на полет творческой фантазии.

Каким бы убогим обед ни был, а схарчили его быстро – не тот случай, чтобы привередничать. Зато с послеобеденным отдыхом обстояло совершенно иначе – полагался целый час, и они вольготно развалились на прогретой солнцем земле, вытащили «Приму», к которой тоже успели поневоле привыкнуть. Разумеется, местный эстет и сноб Володя Василюк,

как обычно, потреблял майскую «Приму» не в ее первозданном виде, а старательно умял в трубку табачок из двух сигарет.

– Ну прям как товарищ Сталин, – громко сообщил Синий в пространство, ни на кого не глядя.

Василуок фыркнул, дернул щекой со здоровенным и багровым родимым пятном, не уступавшим тому, что украшало лысину последнего генсека. Со стороны Синего это была чистейшей воды издевательская подначка, поскольку Сталина Вова как раз и не любил, будучи патологическим демократом, а потому разобиделся не на шутку, хоть и старался этого не показывать. Чтобы свое хамство еще более усугубить, Синий, перед тем как растянуться в непринужденной позе, словно бы невзначай расстегнул донизу полосатый бушлат. На груди у него красовалась церковь с немалым числом куполов – а вот пониже левого соска как раз и синел выполненный с большим сходством профиль Иосифа Виссарионовича. «Под легендарного канает наш блатарь, – лениво подумал Вадим. – Никак он не мог сидеть при Сталине, даже пацаном не мог, года не те, не стыкуется...»

На огромной поляне воцарилась умиротворенная тишина – все три бригады «полосатиков», старательно разведенные подальше друг от друга, блаженно попыхивали дешевенькими сигаретками, эсэсовцы, по два на бригаду, посиживали себе на надлежащем расстоянии, исключавшем всякие неожиданности, овчарка тоже задремала, но чутко, то и дело трепеща ушами. На спокойной воде озера там и сям поблескивали солнечные искорки, зеленела тайга, голубело небо, желтел неглубокий, но обширный котлован, который был абсолютно никому не нужен, ни тем, кто его копал, ни тем, кто приказал копать, вообще никому на нашей грешной земле.

– Есть новая идея, – сообщил Столоначальник, заранее шумно сглатывая слюну. – Берется крутое яйцо, режется пополам, желток старательно вынимается...

– Слышали уже, – отмахнулся Синий. – С сыром, что ли?

– Да нет, я же говорю, идея новая. Ветчина крошится мелко-мелко, чтобы кусочки были не больше спичечной головки, жареные грибы секутся столь же мелко, все это смешивается с укропчиком, лучком, чуть солится...

– Поперчи, – серьезно сказал Синий.

– Непременно. Потом все это кладется на место желтка и заливается майонезом...

– Майонезом лучше полить сразу, перемешать, а потом уже класть...

– Тоже верно. Потом все это заворачивается в ломтик сыра – и в рот...

– Ты смотри, как фантазия работает. А я-то думал, наши чиновнички умеют только взятки брать...

– Я бы вас попросил!

– Господи, да я ж абстрактно, – ухмыльнулся Синий. – Умозрительно, знаете ли...

– Терпежу не хватит, – подумав, сказал Браток. – Это ж сколько времени уйдет, если крошить не крупнее спичечной головки...

– А ты потерпи, – посоветовал Эмиль. – Зато потом поймашь кайф.

– Тоже верно...

И разговор уверенно двинулся по этой колее – вспоминали, кто какие вкусы едал и при каких обстоятельствах, на каких географических широтах все это происходило, а также делились пришедшими в голову кулинарными рецептами, с ходу выдумывая новые, отличавшиеся двумя непеременимыми условиями: обилием яств и их недоступностью «совкам». Один Василуок безмолвствовал, хотя мог бы вклиниться со знанием дела: пусть и значился на своих роскошных визитках «музыкальным критиком ведущих демократических газет», главные доходы получал как раз от кулинарии – красочно расписывал достоинства тех шантарских ресторанов и кафе, где его кормили бесплатно да еще совали сверточек с собой (заведения, эту дань не платившие, естественно, представляли на газетных страницах низко-

пробными обжорками, за что Василиюка пару раз уже били рестораторы). Поскольку в городе появилось несказанное количество жаждавших рекламы трактиров, сытая жизнь Володе была обеспечена на пару лет вперед, можно было и отвлекаться на «обзоры музыкальной жизни Шантарска» (как утверждали знатоки, причастность Вовы к музыке ограничилась тем, что лет двадцать назад он единожды побывал на концерте заезжего саксофониста).

Увы, Василиюк участия в кулинарной дискуссии не принимал по простейшей причине: с первого дня появления в концлагере старательно задира нос и сторонился соседей по бараку, полагая себя чем-то вроде белого сагиба среди туземцев. Браток, человек простодушный и, в общем, бесхитростный, даже предлагал устроить задаваке хорошую «темную», но его уговорили не связываться.

Вот и сейчас скандальный репортер возлежал на толстом ковре пожелтевших палых иголок, словно Стенька Разин на историческом челне посреди не менее исторической картины, пускал вонючий майский дымок так, словно это был голландский «Кэпстен» из разноцветных жестяных баночек. Для полноты картины не хватало разве что персидской княжны под боком, но тут уж вступали в игру правила натуры – в интимной жизни Василиюк как раз и играл роль персидской княжны. Что опять-таки нашло яркое отражение в его творчестве: если верить Вове, музыкальной звездой номер один всея Сибири представал в его обзорах некий шантарский бард, последние годы усиленно игравший при «персидской княжне» роль удалого казака. И наоборот, когда тишайший пианист Миша Файзенберг однажды не выдержал и отвесил хорошего пинка пытавшемуся ему отдалиться Василиюку, моментально превратился под борзым воиным пером в агента жидомасонов, пытавшегося сионизировать шантарский джаз...

Потом Столоначальник рассказал, как, будучи с делегацией шантарской мэрии в Африке ради изучения тамошнего передового опыта градостроительства, вкушал жареных саранчуков. В другое время эта эпическая сага, возможно, и повлекла бы рвотные позывы, но после скудного лагерного харчеванья и жареные саранчуки вызывали павловский рефлекс. Эстафету подхватил Браток, поведав, как однажды в Таиланде навернул пару мисок супа из ласточкиных гнезд – вот только был к тому времени столь бухим, что не помнит толком ни вкуса, ни вида.

– И все равно, лучше всех готовят в Кахетии, – сделал свое обычное заключение пожилой кавказский человек Элизбар Шалвович. – Клянусь славной фамилией Мдиванбеги...

И ностальгически прищурился, посверкивая множеством золотых зубов, причмокивая чему-то, видимому только ему.

– Мдиванбег – это, кажется, какой-то старый титул? – спросил Доцент.

Аллах его ведает, чем он занимался на воле, – не каждый здесь любил откровенничать с соседями по бараку, сообщая порой о себе лишь необходимый минимум. Однако Вадим давно и всерьез подозревал, что Браток, уже на второй день окрестивший седовласого Доцентом, невольно угодил не в бровь, а в глаз. Иногда реплики Доцента выдавали в нем явного интеллигента – правда, отнюдь не нищего, иначе не оказался бы в концлагере. Чем-чем, а нищими тут и не пахло...

– Точно так, дорогой, – сказал кавказский человек Элизбар. – Если совсем точно – мдиванбег-ухуцеси. Нечто вроде визиря при старых грузинских царях. – Он грустно улыбнулся. – Вот только это вовсе не значит, что мой прапрадедущка был визирем. Скорее уж крепостным у визиря. У визиря наверняка была бы фамилия – а так получается, как с вашими крестьянами. Если у него фамилия Генералов – наверняка прадед был не генералом, а крепостным у генерала...

– Во! – сказал Браток. – Значит, будешь Визирем. А то не по-людски получается – у всех уже давно кликухи, один ты ходишь с именем-отчеством, как прости господи. Да еще этот вот... – он кивнул на брезгливо полуотвернувшегося Василюка.

– Вах, дарагой, канэчно, – сказал беззлобно новоявленный Визирь. – Какой разговор, слышай, да? Если перэд люди нэудобно, давай я буду хоть Вызырь, хоть два вызырь... Ноблесс облич, мон анж...

– Опять пошел по-грузински чесать... – фыркнул Браток. – Ты меня, часом, не материшь? А то знаю я вас...

– Не материт, – серьезно заверил Доцент.

– Ну тогда ладно. Хай будет Визирь. С «погонялом», как на приличной зоне и положено.

– Видел бы ты зону, котенок... – поморщился Синий с явным неудовольствием. – Хоть приличную, хоть не очень. Это, по-твоему, зона? Это, по-твоему, вертухай? Это смех один из журнала «Мурзилка»...

Он потянулся, безмятежно улыбаясь, но в глазах так и остался пугающий ледок, прикрывавший некие жуткие глубины. Вадиму на миг стало неприятно, он отвернулся.

– Не мешало бы, конечно, тут немножко понятий ввести, – лениво продолжал Синий. – Расставить всех по полочкам, петушка к параше определить... – он покосился на Василюка. – А то непривычно как-то, честно вам скажу, господа хорошие...

– Ты ж сто лет как откинулся, – пожал Браток могучими плечами.

– А это, котенок, на всю жизнь впечатано, будь ты хоть сто лет честный бизнесмен. Не в жилу мне смотреть, как эта Машка меж порядочными на нарах отдыхает, дупло не предоставляя для общественного пользования... Ну, и все остальное.

– Сбеги, – посоветовал Браток.

– Из такой «Мурзилки» и бежать-то запахло...

– Во, опять едет! – оживился Браток.

И все они, за исключением «персидской княжны», принялись жадно таращиться в ту сторону, откуда приближалось сладкое и пленительное видение, вполне материальное, впрочем.

Это фрейлейн Маргарита, лагерный врач в чине гауптштурмфюрера СС, изволила совершать обеденную прогулку – как давно и крепко подозревали обитатели второго барака (а может, и остальных бараков тоже), исключительно в садистских целях, ради нанесения дополнительных моральных травм. Рыжий конь – не ахалтекинский аргамак, но и не деревенская кляча – почти бесшумно ступал по толстому ковру пожелтевших игл, без усилий неся на спине очаровательное создание в черной эсэсовской форме, обтянувшей фигурку, как кожа сосиску, золотые волосы струились из-под высокой фуражки, рассыпались по спине, взлетали в такт конской поступи... Наступила такая тишина, что казалось слышно было, как кровь заполняет пещеристые тела. Кое-кто поспешил перевернуться на пузо, чтобы на давать лишнего повода для подначек.

– Кто скажет «Ох, я б ей впер», будет весьма неоригинален, господа, – резюмировал Столоначальник.

– А мне плевать, – сказал Браток. – Ох, я б ей впер...

– А ты баксы предложи, – усмехнулся Синий.

– Раньше надо было думать... Предлагал уже. Думаешь, чего у меня след на плече? Нагайкой, стерва, влепила от всей души. Я вам не рассказывал, как в Англии фаловал такую же куклу? Нет? Да вы чо, это ж песня... Короче, поехал я оторваться на озеро Лох-Несс. Вдруг, думаю, эта озерная чуча при мне вынырнет, а я ее на пленку шелкну – братва потом попадает... Ну, возьму с утра пару вискарей и гуляю по бережку. Как глаза ни таращил – нету никакого чудища. Говорю местным аборигенам – давайте в озеро полпуда динамита фуйнем,

оно и всплывет. А они такая Азия – шары стали по чайнику, головами трясут, полицией пугают... Плюнул и пошел по кабакам. И попадаете мне конкретная лялька, аппетитная – спасу нет. – Он добросовестно изобразил жестах смачные параметры. – Слюна бежит. А она вдобавок еще и из ихней ментовки, шляпка на ней такая клевая, форменная... Ну, мне ребята минимум на бумажке написали, вынул я бумажку и давай ей вкручивать: мол, ай вонт мейк лав, ай хэв вери мани... Вери, говорю, мани, баксы ей демонстрирую, а она, блядина, ржет и головенкой мотает... Ну, меня заусило, довел до штуки баксов, пошел бы дальше, только она, стервочка, оглянулась по сторонам – а мы в таком переулочке стояли глухом – да как двинет мне в солнечное, конкретно так, профессионально. Я как стоял, так и сел, а она слиняла. Еще язык показала, стерва. Я так прикидываю – лесбиянка попалась, иначе чего ж штуку баксов не взяла?

Когда утих соответствующий гогот, новоявленный Визирь грустно сказал:

– Бывает, друг мой, и печальнее. Летел я однажды из Шантарска в Питер, рейс ночной, людей не особенно много, а со мной была хорошая девочка, и были мы с ней только двое на всем ряду. Долго лететь, скучно... Прилегла она головенкой мне на колени, прикрыл я ее плащом, вроде спит – и зачмокала голубушка не спеша, обстоятельно. Сажу я на высоте десять тысяч метров, и до того мне хорошо, друзья, словно в раю. И вот тут-то, в самом разгаре процесса, приносит черт пьяного дурака из первых рядов. Шел он из туалета, покачнулся и налетел на стюардессу, стюардесса падает на меня, я ее не успел поддержать, плащ слетает, я шарахаюсь, вся картина на обозрение, слава богу, не всеобщее, девочка моя пищит, стюардесса, пардон, охренела, такой пассаж...

– В туалет надо было идти, – со знанием дела заключил Браток. – Я на питерском аэроплане как-то стюардессочку в туалете дрючил. Тесновато, конечно, но свой кайф тут есть. Десять тысяч метров, за бортом ветер свистит, в дверь ломаются, а я ее – опа! опа! Такая манамба!

– В туалете серьезному человеку как-то и неприлично...

– Зато приятно.

– Интересно, Марго сегодня выдрючиваться будет?

– А для чего же она, по-твоему, сюда каждый день ездит?

– Ну, точно! Господа!

Господа в полосатом, как говорится, обратились в зрение, благо до широкой песчаной полосы по-над самым берегом озера было всего-то полсотни метров, меж ними и блестящей водой росло всего несколько деревьев, так что обзор открывался идеальнейший – мечта вуайериста. Маргарита быстро и умело расседлала коня, принялась уже медленнее избавляться от высоких сапог и черного мундира, под которым, как и в прошлые разы, не обнаружилось ничегошеньки, кроме загорелой точеной фигурки. Кровь клокотала и пенилась в пещеристых телах. Обнаженная златовласая красotka взмыла на спину коня, ловко его вздыбила, крупной рысью пронеслась вдоль берега.

– Говорят, бабы от верховой езды на оргазме тащатся, – выдал вдруг браток.

– Научный факт, – поддержал Синий. – Только мне сдается, орлы, что эта кукла еще и временами от ширева потаскивается. Зрачки у нее иногда бывают спесифические...

– Думаешь?

– Похоже.

– «Винта» бы ей впрыснуть, – мечтательно предложил Браток. – Тогда б сама к нам трахаться кинулась. Мы одной шлюхе полный баян всадили, так потом впятером не знали, куда деваться. Фома аж уздечку порвал...

Конь остановился боком к ним над самой водой, прекрасная всадница неспешно потянулась, закинув руки на затылок, с таким видом, словно о существовании десятка зрителей и не подозревала.

- Леди Годива, – с некоторой дрожью в голосе сказал Доцент. – Как на картине...
- Вы про картину Кольера? – уточнил внезапно Визирь, тоже не самым безразличным голосом.
- Тоже видели репродукцию?
- Зачѐм рѐпродукция, вах? Оригинал.
- В Лондоне?
- В Ковентри, – сказал Визирь. – Где дело, по легенде, и происходило. Там она и висит, в Герберт Арт Гэллери. Красота, правда?
- Нет, это вы про что? – непонимающе уставился Браток.
- Объясняю популярно, – усмехнулся Визирь. – Жил в Англии восемьсот лет назад один герцог, и ввел в своем городе налоги по полному беспределу, хоть волком вой. Ну, его молодая жена ему и сделала предьяву: мол, не гони беспредел, с людей уж и стричь нечего. А он ей погнал встречную предьяву: если ты такая добрая, проедь через весь город верхом на коняшке в голом виде, я тогда налоговый кодекс и отзываю...
- Проехала?
- А как же. Добрый городской люд в это время закрылся на все ставни и сидел по домам, чтобы девчонку не парафинить.
- Я бы в щелку поглядел, – сказал Браток.
- Один и подглядел, – усмехнулся Визирь. – И ослеп тут же.
- В натуре?
- Ходит такая версия...
- А человек вы у нас непростой... – задумчиво сказал Доцент.
- Вах, дарагой, есть временами... – усмехнулся Визирь. – Человеку простому, да еще в застойные времена, нечего в бизнесе было и делать, особенно когда касалось производства... А картина красивая, верно? Старинные дома, конь в потрясной попоне, эта дымка, а уж девчонка...
- Чего ж ты ее не купил? – серьезно поинтересовался Браток.
- Не продают чертовы англичане. Азия-с...
- Про Годиву эта стерва, может, и не слыхивала, – вклинился Эмиль. – Но мозги мужикам компостировать умеет.
- Дурацкое дело нехитрое, – резонно заключил Доцент. – В нашем положении, господа, особых усилий и не требуется – только продемонстрируй этукую попку...
- Маргарита все еще торчала на берегу, и это зрелище весьма напоминало левитановский пейзаж, к которому вульгарно приклеили вырезанную из «Плейбоя» фигурку. Потом направила коня в воду, и он охотно пошел.
- А не составить ли план, ребята? – предложил Эмиль. – Как ее подловить и оттрахать? Все равно свободного времени – хоть черпаком жри...
- А это идея, – оживился Браток. – Это надо обкашлять. Только такую мульку надо устраивать всей бригадой, и непременно за лагерем – как же иначе-то? Если, скажем, полovina вырубает этих козлов, – он кивнул на двух эсэсовцев, – а другая берет Марго за жопу...
- Другие бригады близко, – серьезно сказал Синий. – Не смогут не заметить, подымется шухер...
- Ну я ж говорю – надо обсудить... Давайте дружно отправимся, а? Прикиньте: у всего барака вдруг офуенно схватило животы, да так, что не встать. Что тогда? Зуб даю, примчится Марго, конечно, с парой вертухаев, это уж непременно, но мы их по сигналу моментально повяжем...
- А вот это уже умнее, – кивнул Синий без малейшей насмешки. – Это, пацан, очень даже смахивает на толковый план. Конечно, нужно все проработать, но если расписать по ролям и чуток порепетировать... Роток, ясное дело, заткнем, привалим на нары...

– В карцере потом насидимся, – осторожно заметил Столоначальник.

Браток беззаботно отмахнулся:

– Лично я всегда готов ради такого дела. Тебе что, самому не в кайф ей черта вогнать? По самые-то погремушки?

– Ну, я бы не стал столь вульгарно формулировать, однако идея, не скрою, заманчивая...

– То-то. Карцера он испугался, барсук. Секретаршу не боишься на столе дрючить в служебное время? Слышал я про тебя краем уха... Да ты не жмись, дело житейское... Ну что, все дружно хвораем животами?

– Черт знает что, – поморщился компаньон по бараку, получивший кличку Борман.

Вадим, как ни старался, не мог его угадать. Борман был уже определенно в хороших годах, перевалил за полсотни, однозначно, но седины было мало, крепкий, подтянутый – то ли ходил по бизнесам, то ли из губернской управы, где-то эта упитанная будка уже маячила, то ли по ящику, то ли в газетах...

– Не нравится? – ехидно ухмыльнулся Синий.

– Это уже беспредел...

– Мы в концлагере или уже где? – Синий помолчал, улыбочка стала не такая широкая, зато ехидства в ней явственно прибавилось. – А ты ведь, ангел мой, мент будешь...

– Доволен, что расколол? – после короткой паузы хмыкнул Борман. – Я, между прочим, тебя срисовал пораньше...

– Что делать, – беззаботно отозвался Синий. – Я ведь, товарищ сапог, уже сто лет как завязал с криминалом, давно уж самый что ни на есть благонамеренный член общества... А вот теперь оба за колючкой – умора! Борман, вякни честно: ты бы ее в охотку отдрючил?

– Ну, вообще-то...

– Тогда чего ж ты стебало косостебишь?

– Как-то оно...

Но особого возмущения в голосе Бормана что-то не было, и Синий ослабил, чувствуя, что последнее слово остается за ним:

– Короче, решено. После аппеля...

– Тра-та-та-да-х!

Длиннющая автоматная очередь распорола воздух совсем рядом, и тут же затрещала вторая, уже, казалось, над самым ухом – это Чубайс с невероятной быстротой среагировал на неожиданность, прижал к земле «полосатиков», так и не дав им вскочить. Все валялись на песке, инстинктивно сжавшись в комочек. Чутьку опомнившись, стали приподнимать головы, но тут же затарахтел автомат, и рыжий Ганс заорал, надсаживаясь:

– Лежать, мать вашу!

Слева вновь раздалась стрельба, явственно удаляясь, слышно было прекрасно, как трещат ветки, как перекликаются охранники и азартно заливается овчарка.

– Точно, на рывок кто-то ломанул, – констатировал Синий, выплюнув крупный рассыпчатый песок. – Не получится, нюхом чую...

Еще парочка очередей протрещала, уже на значительном отдалении, вразнобой хлопнули пистолетные выстрелы, по лесу с шумом и гиканьем неслась погоня. И очень скоро все стихло, затем раздалась торжествующие вопли.

– Точно, взяли придурка за жопу... – плюнул Синий.

Чуть погодя Ганс-Чубайс рявкнул:

– Встать, козлы! Оставаться на месте!

Они вскочили и выстроились гуськом, в затылок друг другу, согласно ставшему уже привычным распорядку номеров. Со стороны чащобы приближались трое эсэсовцев, волоча незадачливого беглеца, коллеги приветствовали их радостным улюлюканьем.

– Не хочешь срать, не мучай жопу, – философски заключил Синий. – Веселуха, господа, веселуха....

Глава вторая

Спокойный вам вечерок...

К лагерю подтягивались в хорошем темпе, незаметно ускоряя шаг, и в конце концов припустили рысью, стараясь опередить остальные бригады. На сей раз им удалось, они первыми, тяжело дыша и бухая тяжелыми башмачищами, весившими, казалось, полпуда, выскочили на неширокую тропинку. Эсэсовцы этим гонкам ничуть не препятствовали, находя в них для себя лишнее развлечение, но кацетники старались, конечно, не из спортивного интереса, а по насквозь житейским мотивам: именно им сегодня и удастся первыми попасть на ужин, а следовательно, и первыми отовариться в ларьке.

Вскоре показался концлагерь – забор из двухметровых деревянных плах, вбитых метрах в пяти друг от друга; меж плахами натянута в десять рядов начавшая слегка ржаветь колючая проволока; за проволокой – большие бараки, выглядевшие крайне обшарпанны и уныло, с решетками на окнах, с обширными застекленными верандами (половина стекол давно выбита неизвестно кем и когда). Несколько бараков за пределами колючки, из них три давно заброшены, в четвертом расположилась охрана, а в пятом, с белыми занавесочками на окнах и спутниковой антенной на крыше, изволит обитать герр комендант. В шестом кухня, в седьмом карцер, поблизости гараж, невеликий сарайчик. Вот и все немудреное хозяйство. Домик с дизель-генератором располагался где-то вдалеке, в чащобе, тарактенье движка сюда даже не доносилось.

Красавчик сбился с шага, обо что-то споткнулся – кажется, налетел на толстый корень, – и Ганс пару раз вытянул его длинной черной дубинкой. От души, надо сказать, вытянул, – но на физиономии ушибленного, Вадим мельком подметил, никакого особенного страдания не изобразилось. Скорее уж наоборот. Они давно просекли, что сей доставшийся в соседи по баракку смазливый субъект – самый настоящий мазохист. Вполне, может быть, и не педик, но мазохист – однозначно. Из карцера, куда откровенно набивался, возвращался прямо-таки просветленным, судя по тому, что непременно после этого спал на пузе, получал чувствительно нагайкой по мягкому, однако держался так, словно посетил сауну со сговорчивыми телками. Ну, в конце концов, каждому свое...

Что там было написано крупными черными буквами над воротами концлагеря, никто из них до сих пор не знал – так уж вышло, что не оказалось знающих немецкий. Что-нибудь классическое, надо полагать: «Каждому свое» или «Труд делает тебя свободным».

Комендант, герр штандартенфюрер фон Мейзенбург, конечно же, торчал у ворот – хоть часы проверяй. Часов, как известно, ни у кого не имелось. Пытаясь придать осанистости и важности своей невысоконой толстопузой фигуре, герр штандартенфюрер застыл в скованной позе памятника, сработанного каким-то откровенным халтурщиком, подбоченившись правой и зажав в левой длинный стек, из-под нахлобученного на нос сверкающего черного козырька поблескивали очки в никелированной оправе, а на груди красовался целый иконостас – черные кресты, загадочные здоровенные значки, какие-то медали. Доцент над этим набором побрякушек вдоволь насмеялся еще в самые первые дни – по его словам, герр комендант в истории был не силен, а потому на груди у него оказалось нечто, вряд ли имевшее аналогии в давней исторической реальности. Самый сюрреалистический, по заверениям Доцента, подбор: кресты – еще куда ни шло, медаль за спартакиаду для штурмовых отрядов тоже с грехом пополам годилась, но рядом оказались знак штурмана люфтваффе, знак «За танковую атаку», эмблема полевой жандармерии, которую носили не на груди, а исключительно на головном уборе, и, наконец, вовсе уж не лезший ни в какие ворота значок гитлерюгенда...

Как бы там ни было, но сам себе герр комендант чертовски нравился, что откровенно сквозило и в наполеоновской позе, и в каждом жесте. Физиономия у него оставалась непроницаемой, когда подтянувшиеся эсэсовцы выбрасывали руку, приветствуя начальство, а кацетники, сдернув полосатые шапочки, старательно выполняли «равнение налево», но душа герра коменданта наверняка попискивала в своеобразном оргазме... Нет сомнений, судьбу совершившего попытку к бегству он будет решать сам, вынося немудреный вердикт с важностью Наполеона, ожидающего на Воробьевых горах депутацию с ключами от Москвы... Вердикт, конечно, будет немудреным, а каким же еще?

Издали Вадим разглядел, что за женским столом, отделенным от мужского дополнительной провололочной оградой, уже разместилось все немногочисленное население женской зоны – дам было восемь, как раз на один барак (собственно, и три десятка заключенных мужского пола разместились бы в одном бараке, но их согласно неисповедимым замыслам создателей игры развели по трем). Ника оказалась среди тех, кто сидел спиной, и Вадим сумел разглядеть лишь светленький затылок молодой любимой женушки, но особой тоски что-то не ощутил, кроме легкого утилитарного томления, проистекавшего от недельного воздержания, усугубленного ежедневными представлениями Маргариты.

Зато от лицемерия тетки Эльзы всякие мужские желания вмиг отшибало напрочь. Не зря тут давно сложилась собственная шутливая примета: как только начнешь вождельть тетку Эльзу, верный признак, что дошел до точки... Весила тетка Эльза пудиков этак десять и щеголяла в черной форменной рубашке пятьдесят второго размера, обтянувшей устрашающие телеса. Вадим уже успел определить: в отличие от формы охранников, старательно скопированной, как заверял Доцент, с настоящей эсэсовской, на повариху, должно быть, не стали тратить лишних денег – на ней красовалась незатейливая черная рубашка фирмы «Мустанг» с отпоротым лейблом да фирменные пуговицы-кнопки прикрыли жестянками-имитациями – и одна, кстати, отвалилась, обнажив серенькую мустанговскую пуговичку. Заметит комендант – огребет тетка Эльза...

Зато гонору и хамства – неподдельного, признавали все – у нее хватало на взвод эсэсовцев. Просто-напросто тетка Эльза, по общему мнению, вдруг угодила в страну своих грез, где могла хамить и унижать, сколько вздумается, причем ее за это начальство лишь похваляло. Конечно, и кое-кто из эсэсовцев не просто играл – им *всерьез* нравилось быть эсэсовцами. Но до гениальной актрисы одной роли тетки Эльзы им было далеко. Она ни капельки не притворялась и не играла, когда, подпернув на рукаве засаленную алую повязку со свастикой в белом круге, орала на нетерпеливо переминавшихся кацетников:

– Руки мойте, ублюдки! Сколько раз говорить?

Железный умывальник на десяток сосков тут был и воды хватало, а вот ничего, хотя бы отдаленно годившегося на роль полотенца, не имелось. Приходилось управляться кто как мог – один использовал жесткую полосатую шапочку, другой, не мудрствуя, вытирал ладони о собственные бока. И все это – под непрестанные вопли тетки Эльзы:

– Чего копаетесь, морды лагерные? Я вас ждать должна? Без ужина оставлю, дождетесь!

Вилли с Гансом похохатывали на приличном отдалении – войдя в раж, тетка Эльза не делала отличий и для «сослуживцев», любой мог получить порцию отборных матов. Доцент с Визирем как-то долго спорили, шизанутая тетка Эльза или нет, и пришли к выводу, что попросту сука, каких свет не видел.

– Руки вытирай, говорю! – орала она на Доцента так, словно хотела докричаться до Марса и сообщить марсианам, что все они козлы последние. – Руки вытирай, а не на баб коси блудливым глазом! Пупами потереться захотелось? Очки одел, седой весь, а туда же, вша лагерная!

Ганс осторожно приблизился к ней и что-то пошептал на ухо. Тетка Эльза прямо-таки расцвела, даже забыла про Доцента и распорядилась потише:

– Марш за стол и жрите в темпе, другие ждут!

Все девятеро расселись за сооружением из неоструганных досок, скорее уж пародией на стол. Разносолов, конечно, ждать не приходилась – в жестяных мисках мутно посверкивала сиротливыми блестками жира серая баланда, в баланде просматривалась крупа, разваренная картошка, а если очень уж зорко таращиться, можно было усмотреть тонюсенькие волоконца тушенки. Но это уж – кому как повезет. Не всем и везло.

Хлеб был самого скверного пошиба, ложки – алюминиевые и липкие, но наворачивали все старательно. К вечеру, помахав лопатой, и не такое можно было навернуть за милую душу. В хорошем темпе выхлебали суп, расправились с сероватой перловкой, не отягощенной чем-то вроде мяса или жира, старательно распахали по карманам остатки хлебной пайки. Немудреная трапеза проходила под аккомпанемент живых и образных высказываний тетки Эльзы, но аппетит это уже не отбивало, привыкли. Благо предстояла еще одна приятная процедура.

– Похавали? И пошли вон! – рывкнула тетка Эльза, хотя Браток с Красавчиком еще погромыхивали ложками, выскребая последние крохи.

– Послушайте, а как же... – заторопился Столоначальник.

– Обращайся, как положено, дерьмо зеленое!

– Фрау шарфюрер, как насчет отоварки...

Тетка Эльза прямо-таки расцвела, расплылась в самой что ни на есть наиприятнейшей улыбке:

– Отоварочка понадобилась... Кушать захотел, пузатенький ты мой... Ганс, объясни этой морде по-человечески...

Ганс охотно придвинулся поближе и, цинично ухмыляясь, отчеканил:

– По распоряжению герра коменданта, в связи с имевшим место злостным нарушением дисциплины в виде попытки к бегству, отоварка на сегодня для всего лагеря отменяется... – подумал и добавил явно от себя: – Прокурору жалуйтесь, если что не так. Прокурор у вас в каком бараке?

– Нету у них прокурора, – злорадно уточнила тетка Эльза. – Всякой сволочи хватает, а вот прокурора нетути... Чего пригорюнились, соколики? Марш в барак!

– Эх, тетушка... – громко вздохнул Эмиль. – Вот смотрю я на тебя и все пытаюсь сообразить: есть же дурак на свете, который тебя стебет. Коли ты фрау. Посмотреть бы на этого придурка, потом и помирать не жалко...

Тетка Эльза, замахиваясь половником, с которого полетели мутные брызги, надвинулась на него, как ожившая стенобитная машина, разинула рот и пошла сыпать так, что оба эсэсовца, даже не пытаясь вмешаться, лишь завистливо похохатывали. Эмиль, с наполеоновским видом скрестив руки на груди, слушал ее совершенно спокойно, отчего фрау шарфюрер разъярилась еще больше.

Зрелище было прямо-таки эпическое, но Вадим туда не смотрел – отвернулся, привлеченный шумом мотора. Возле барака охраны остановился «уазик», самый обыкновенный на вид, поскольку служил для связи с Большой землей. Правда, водитель уже был в соответствующей форме – переоделся где-то по дороге ради сохранения гармонии. В черной форме красовалась и легко спрыгнувшая на землю фрейлейн Ирма (в миру – Катя), носившая чин штурмфюрера. Поправила аккуратную пилотку с «мертвой головой», огляделась и почти сразу же встретилась глазами с Вадимом – такое у него нынче было везение. Он, не теряя драгоценного времени, взял себя за мочку левого уха – абсолютно невинный жест для любого постороннего наблюдателя.

Фрейлейн штурмфюрер с отсутствующим видом достала из кармана кителька белый платок и встряхнула, разворачивая. Дальнейшие манипуляции с платком уже не имели никакого смысла, поскольку не содержали в себе условных знаков, и Вадим быстренько отвел глаза, охваченный приятным предвкушением. Все было на мази.

– Кому говорю? – подтолкнул его дубинкой в поясницу Вилли. – Встать в строй!

Опомнившись, он торопливо занял свое место. Тем временем на пронзительный свисток Ганса уже спешил хмырь из внешней охраны, которого никто не знал по имени. Вилли кивнул ему на Эмиля:

– В карцер обормота. До завтра. Занесите в книгу – за зlostные пререкания с охраной.

– Цу бефель, герр блоковой! – рывкнул безымянный хмырь (тоже, должно быть, подчитал нужную литературку перед поступлением на службу), вытащил из кобуры пистолет и подтолкнул Эмиля в спину. Тот, заложив руки за спину и браво насвистывая, направился к карцеру насквозь знакомой дорогой – за неделю он там побывал уже трижды, а теперь вот угодил в четвертый. Прямо-таки нарывался, такое впечатление. Порой Вадим готов был все-ррез заподозрить старого приятеля в мазохизме – не будет нормальный человек нарываться буквально через день. Правда, здешний карцер, по разговорам, ничего жуткого из себя и не представлял – всего-навсего был лишен каких бы то ни было лавок, нар или постели, так что располагаться приходилось на полу. «Может, тут какой-нибудь особый заказ? – лениво подумал Вадим, шагая со сцепленными за спиной руками следом за Борманом. – Интересно, что это за скелет в шкафу, сто лет его знаю, и ничем он таким особенным не грешил. Ну, мало ли...»

Оборотной стороной медали – в данном случае приятной возможности первыми схватить скудный ужин – было то, что теперь их бригаде пришлось долго торчать на плацу, ожидая, пока поедят и придут последние. Площадка с пышным, полностью соответствующим исторической реалии названием «аппельплац» когда-то служила местом для вечерних пионерских линеек – Вадим еще застал пионерские времена, а потому уверенно угадал в первый же день: на этой трибунке некогда красовалось лагерное начальство, а торчащая из земли ржавая железная трубка в те же напрочь и безвозвратно ушедшие годы служила опорой для флагштока. Ну да, линейки, каждое утро флаг поднимали, каждый вечер спускали, красные галстуки, пионерский салют, и еще не было плееров, но в старших отрядах девочек уже потаскивали вовсю, а касательно одной и вовсе ходили волнующие юную плоть слухи, что она *дала*. Правда, счастличика так никто и не знал, хотя многие клялись, что сами от него слышали. Господи, были же беззаботные времена, детство человечества...

В общем, он так и не увидел особой разницы меж старым временем и нынешним. Некогда старшие пионервожатые поучали и руководили идейно – а теперь взобравшийся на старательно отремонтированную трибунку герр комендант, потрясая стеком, поминал сегодняшние инциденты и грозил, что наведет железный порядок. Слушать его было столь же тяготно и уныло, как вожатых в прежние времена – ничего он не мог сделать, лысый хрен, как ни страшал, не за то получал хорошие бабки...

Все паскудное когда-нибудь кончается, кончился и аппель – шаблонной переключкой с неизменным рывканьем: «Их бин, герр комендант!» после зычно выкрикнутого Вилли очередного номера. Распустили по баракам. Теперь до утра ни одна сволочь не побеспокоит.

Синий, не собиравшийся отказываться от гениального замысла насчет Марго, все же провел короткую репетицию и погнал Красавчика к воротам заявить часовому, что барак поголовно мается животами и просит прислать врача. Красавчик вернулся очень быстро и поведал, что его послали на все буквы, заявив, что кацетники, во-первых, наказаны скопом за попытку побега, а во-вторых, пусть выдумают что-нибудь поумнее, поскольку их кормили все-таки не отравой, так что нечего выпендриваться. Судя по неподдельному унынию на

смазливой роже Красавчика, он все же не был голубым и всерьез рассчитывал, что Маргарита попадет в плен и будет употреблена.

Выматерившись от души, Синий пошел в чулан готовить чаек на своей «атомной» самоделке, заставлявшей вскипать воду чуть ли не в пять секунд. Остальные живенько установили очередь на тот же кипятыльник – Синий не жмотничал, поставив условием лишь, чтобы вовремя очищали железки от накипи. Пожалуй, каждый сюда что-то протасил контрабандой – от электронной игрушки (Браток) до пачки баксов (Вадим) и сотового телефона (Столоначальник).

Вадиму сегодня определенно везло – его очередь выпала сразу за Синим, и он в темпе сварганил чаек в ободранной эмалированной кружке, казенном имуществе с соответствующим штемпелем на боку, выполненным какой-то стойкой краской.

И вытянулся на нарах, попыхивая дравшей горло «Примой», дожидаясь, когда чай немного остынет. За зарешеченными окнами темнело. Борман включил единственную лампочку, сиротливо болтавшуюся на коротком шнуре, лег прямо под нее и принялся штудировать затрепанный детектив, протасенный сюда опять-таки контрабандой. Должно быть, про Южную Америку – на обложке значилось что-то насчет пираний, да вдобавок красовалась какая-то импортная рожа с импортным автоматом наперевес. Остальные занимались кто чем – Столоначальник ушел в чулан поболтать по телефону с супругой, свято полагавшей, что он находится в командировке далеко отсюда. Зона уверенного приема здесь почти что и кончалась, так что в трубку приходилось орать, да и самому напрягать слух – правда, в случае Столоначальника это как раз и работало на его версию о медвежьем угле, откуда чертовски трудно дозвониться. Браток возился со своей попискивающей игрушкой, Визирь давно похрапывал, Василюк в той же позе Степана Разина пускал дым, Доцент с Синим дулись в карманные шахматы (контрабанда Доцента).

Первые дни Вадиму тут было откровенно дико. Потом привык и даже оценил полной мерой гениальность изобретателя этого дома отдыха для богатеньких Буратин. Гениальность, которой в первые дни, можно со стыдом признаться, так и не просек.

Если подумать, это не более чем анекдот про хитроумного русского, с помощью бочки пива заставившего негритянского вождя испытать лучший на свете кайф. Анекдот, претворенный в жизнь. Первые два-три дня чувствуешь лишь тупое раздражение, злишься на себя за впустую выброшенные деньги, но потом, как-то рывком, осознаешь весь смак затеи. Потому что начинаешь всерьез, нешуточно, яростно мечтать о том дне, когда перед тобой распахнутся ворота, ты направишься напрямиком на склад, облачишься в «вольный» недешевый прикид, защелкнешь на запястье браслет недоступных бюджетникам часов, распахнешь по карманам прочие дорогие мелочи – и покинешь «концлагерь», возвращаясь к прежней жизни удачливого шантарского бизнесмена. В том и небывалый кайф – в мечтах о свободе, в сладостном ощущении, что через неделю все это неминуемо кончится. Вернется все *прежнее*. Ставшее после пережитого словно бы и чуточку незнакомым, новым, неизведанным.

Задумка была проста, как все гениальное. Чем можно поразить и удивить богатого по меркам Шантарска человека – не крутого долларового мультимиллионера, но и не последнюю спицу в новорусской колеснице? Исколесившего полмира и свыкшегося с зарубежными фешенебельными местечками настолько, что всякие там Багамы, Антальи и Таиланды теперь кажутся подходящими лишь для подкупивших штуку-другую баксов совков?

Концлагерем, вот чем. Более-менее точной копией нацистского концлагеря, разумеется, с приличествующими случаю поправками – кормежка паршива, но не отвратна, работа имеется, но не столь уж выматывающая, охрана поддает по заливку только тем, кто этого жаждет, вроде Красавчика, на мелкую контрабанду смотрят сквозь пальцы, дешевые кармелки и «Приму» в ларьке взять можно всегда. А если подсуетиться и включить потаенные

рыночные механизмы (в конце концов, действовавшие и в настоящих концлагерях), можно устроиться и вовсе недурно...

Говорят, устроители, сиречь владельцы процветающего предприятия, сами ничего не придумали. Якобы подобные услуги для скушающих пресыщенных богачей уже давно процветают то ли в Штатах, то ли в Германии. Ну и что? Какая, в принципе, разница? Заведение существует уже третий год и в кругах посвященных пользуется некоторым успехом. Рыжий Ганс позавчера проболтался, что здесь не всегда столь пусто – сейчас, оказалось, попросту не сезон, август почему-то особой любовью клиентов не пользуется, а вот в июне-июле тут не протолкнуться, народу на нарах, как селедок в бочке. Рыжий даже назвал иные известные имена – и, быть может, не во всем врел...

Сам Вадим сюда не особенно рвался – уговорили молодая женушка и старый друг, он же давний коммерческий директор. Прослышали от знакомых и загорелись – пикантно, ново, где-то романтично. Уговаривали, пока не уговорили. Сейчас, по прошествии недели, Вадим был вынужден признать, что деньги выкинул не зря – с одной стороны, вышеупомянутый кайф, ожидание свободы, не шел ни в какое сравнение с уже испытанным, с другой – здесь, на свежайшем таежном воздухе, и впрямь потеряешь пару килограммов наметившегося брюшка, причем без всяких стараний с твоей стороны. Что, надо полагать, и влечет сюда шантарских дам – от бизнесвумен до супружниц. Если совсем честно, он испытывал определенное злорадство, представляя, как валяется на тощем матрасике дражайшая женушка, дорогущая игрушка, на воле купавшаяся в роскоши, какую только мог предоставить Шантарск. На «женской половине» кормят точно так же (в обширнейшем контракте каждая мелочь оговорена), вместо землеройных работ дочери Евы обязаны шить брезентовые рукавицы, всю косметику и все побрякушки отобрали при входе, разве что вату выдают с учетом женской специфики. А главное, не нужно (как, если честно, случается порой) терзаться смутными подозрениями: не ищет ли твоя дорогая игрушечка маленьких развлечений где-то на стороне, пока ты двигаешь вперед капитализм, не лезут ли в ее прелестную головушку от сытого безделья грешные мысли... Вот она, в ста метрах, если посмотреть в крайнее слева зарешеченное окошко, можно усмотреть угол женского барака, и ручаться можно, образ жизни соблазнительная Ника ведет прямо-таки ангельский – разумеется, поневоле. Свиданий здесь не дают (можно договориться за бабки, но какой смысл?), так что неизвестно, какие чувства она испытывает. Даже если и не нравится, вынуждена терпеть – устроители тоже не дураки и честно старались осложнить жизнь клиентам. Выйти отсюда можно в любой момент – вот только в контракте есть особый пункт про неустойку, и растет она в геометрической прогрессии, здесь все наоборот: чем раньше станешь рваться наружу, тем больше денег угробишь. Проще уж отсидеть две оплаченных сполна недели, чтобы потом не давила жаба. Ну и хорошо, ну и ладненько. Пусть посидит, лапонька. Это ей не по Шантарску рассекать в сверкающей «хонде» – автомате с кредитными карточками в кармане. Молодую жену он на свой манер любил, стараясь холить и лелеять, но все равно в глубине души таилось легкое раздражение, как у многих из его круга: ты пашешь, как папа Карло, день-деньской, а твоя дорогостоящая игрушечка на стену лезет от безделья и не стесняется капризничать чаще, чем следовало бы. А поскольку за полтора года как-то к ней уже привык, приходится терпеть, урывая свое в обстановке строгой конспирации... Что, впрочем, опять-таки придает жизни должную пикантность.

Может, и в самом деле подумать над побегом? Того, кто решит по своей воле уйти отсюда, ждет немаленькая неустойка – но за успешный побег или захват заложников, соответственно, полагается возврат немаленькой части уплаченного за путевку. Беда только, охрана успела набраться опыта, службу несут столь же бдительно, как их исторические предшественники, *настоящие* черно-мундирники – болтают, добрая половина из них как раз и служила срочную в лагерной охране, а заместитель коменданта, это уже не болтовня, а

доподлинная правда, как раз и переманен недавно из одной из шантарских колоний. Получает наверняка раз в несколько больше, чем на старом месте, а значит, будет выкладываться искренне. Даже Синий, человек, несомненно, постранировавший по настоящим зонам, до сих пор не придумал плана успешного побега. А может, и не хочет ломать голову. Уж ему-то здесь чертовски нравится, для него *такая* зона – санаторий, откровенно кайфует. Легко сообщить, почему здесь оказался мазохист Красавчик. Легко, в общем, понять, что тут делает Мдиванбеги-Визирь, бывший подпольный цеховик, а ныне почтенный коммерсант-производитель – годами в свое время ходил под перспективой реальной зоны, вот и сублимируется чуточку извращенным образом, иные его случайно вырвавшиеся реплики только так и можно истолковать. Пораскинув мозгами, поймешь, каким ветром сюда занесло оказавшегося ментом Бормана – вновь чуточку извращенное желание самому побывать там, куда годами загонял криминальный элемент, но при этом не потерять и волоска с головы. Столоначальник – то же самое, что с Визирем. Нетрудно понять и Эмиля: всю жизнь пыжился, изображая крутого мачо, из кожи вылез, чтобы в военкомате записали в десант, даже имя официально переименовал семь лет назад (в честь любимого героя райновских романов), и теперь откровенно пытается придумать идеальный побег. Гораздо труднее с Доцентом – с одной стороны, интеллектуал, с другой – замешан в каких-то бизнесах, иначе не попал бы в сей недешевый санаторий. Но вот мотивы – темный лес, поди докопайся...

Он отхлебнул теплого чайку, лениво покосился в окно – те три балбеса все еще трудились, как проклятые, заделывая один из двух уличных туалетов в сплошной чехол из металлической сетки. Поблизости бдительно торчал Вилли с овчаркой на поводке – старается, зараза, следит, чтобы работяги не угодили в заложники, – черномундирных, надо полагать, еще круче учат и бьют рублем, что логично. Интересно, что новенького придумал герр комендант? Не сортир, а суший сейф получается, на совесть работают, сразу видно, отнюдь не по-совдеповски...

Попытался представить, что сейчас делает обожаемая женушка, но это показалось скучным – выбор у нее небогат, точно так же валяется на нарах и хвастается перед товарками удачно сложившейся жизнью. Нечто вроде прошлогодней болтовни: когда в приступе ревности нанял частного сыскаря, тот установил «жучки», и пришлось добросовестно (деньги плачены, куда денешься) слушать, как Ника по три часа треплется с подружками, такими же игрушками. А вот любовничка не отыскалось, что искупало все труды вкупе с прослушиванием пленок...

Гораздо интереснее было попытаться угадать, есть ли сейчас в бараке-карцере любители «особых заказов». Вроде бы Браток видел, как туда кого-то привозили. В карцере, в противоположность рутине общего режима, работали с клиентами индивидуально. И мало что выходило наружу, но вряд ли кто-то из владельцев мог предугадать любившую поболтать Катеньку в качестве канала утечки... Кое-что интересное Катенька все же поведала – главным образом о мелких шантарских политиках, которых поневоле знала в лицо. Почему-то последний месяц в карцер косяком шли как раз мелкие политики – со своими специфическими требованиями. Широко известная в узких кругах патологическая демократка Марина Лушкина, валькирия былых перестроенных митингов, уже в третий раз заказывала себе недельку в «сталинском застенке» – что фирма, получив предоплату, старательно выполняла. По рассказам Катеньки, все обстояло в лучшем виде – и тупые надзиратели в синих фуражках с малиновыми околышами, и зверь-бериевец, светивший валькирии в глаза настольной лампой, и заседание «тройки», каждый раз исправно влепавшей «десять лет без права переписки», и даже инсценировка расстрела в сыром подвале с жутким кляцаньем затворов и долгими воплями Марины: «Да здравствует демократия! Долой Сталина!» Из карцера Марина выходила просветленной и сияющей еще и оттого, что всю эту неделю ее исправно подвергали группенсексу палачи с малиновыми околышами, а зверь-бериевец приманивал прямо

на своем столе, что опять-таки, как легко догадаться, было с соблюдением надлежащих норм эзопова языка заказано заранее и оплачено сполна.

Сиживал здесь и Андрюша Зубровский – толстощекий юнец, создавший в Шантарске страшную патриотическую партию аж из пяти человек (включая его супругу и престарелую бабушку). Стойкий патриот деньги на содержание своей партии зарабатывал, возя из Турции серебришко и кожаные куртки, пару раз в неделю читая студентам лекции по истории и пописывая в местных, особо непритязательных газетках. Накопив достаточную сумму, юноша явился в фирму «Экзотик-тур». Легко догадаться, что его желания опять-таки были довольно специфическими. Г-н Зубровский желал томиться в жидомасонских застенках под конвоем носатых и пейсатых сионистов, грозящих предать лютой смерти борца за светлые идеалы родины слонов. Фирма, оприходовав денежки, разумеется, предоставила и жидомасонов, и пейсы, и даже зеленые береты израильских солдат с настоящими эмблемами дивизий «Дже-рихо» и «Маккаби». К сожалению, юный национал-патриот смог наслаждаться жидомасонским застенком лишь двое суток – на большее не хватило денег, цены здесь были, откровенно говоря, рассчитаны не на политических придурков, а на серьезную публику, привыкшую, что замысловатые прихоти обходятся дорого... Осталось, правда, в точности неизвестным, заказывал ли молодой политик, чтобы тюремщики его еще и трахали. Злые языки уверяли, что все же заказывал, но полной ясности не имелось.

Зато достоверно было известно, что театральное действо обрело размах и эпичность, почти не уступавшие голливудской версии «Клеопатры», когда перед мирскими забавами не устоял и шантарский архиепископ Аполлоний, личность знаменитая и весьма своеобразная. Благо доходы позволяли. Неведомые хозяева местного филиала «Экзотик-тура» (посвященный народ давно уже знал, что здесь не более чем филиал, фирма раскинула щупальца в широкие просторы) привыкли ничему не удивляться, если имели дело со стопроцентной предоплатой. Облаченный в рубище и самые настоящие кандалы, Аполлоний сутки томился в яме с натуральнейшими пауками и белевшими в углу костями предшественника, а на другой день предстал перед инквизиторским трибуналом. Злокозненные иезуиты, вольготно рассевшись за уставленным скоромными яствами и питьями столом в компании полуголых гетер (Аполлоний в истории был слаб и искренне полагал, что гетеры – это попросту другое название латинских развратных монашек) битых три часа уговаривали пленника отказаться от святой православной веры ради латинского поганства, стращали орудиями пыток, представленными здесь во множестве, однако ничего не добились. Пленник красноречиво обличал католическую ересь (при этом безбожно путая таковую с учением Блаватской), грозил наперсникам разврата божьим судом, в неподдельном рвении гремя оковами и даже плюясь. В конце концов потерявшие терпение иезуиты приговорили неуступчивого узника к сожжению на костре. Куда и повели во главе многолюдной процессии, состоявшей из иезуитов в капюшонах с прорезями для глаз, гетер в дезабелье, стражников в кирасах и франкмасонов с циркулями (попавших на представление опять-таки из-за слабого знания Аполлонием истории предмета). Имелась весьма внушительная поленница вокруг основательного столба, к которому мученика приковали. Но до огня дело, разумеется, не дошло – нагрянула православная рать в кольчугах и шишаках и пастыря незамедлительно спасла.

Все это влетело в крутую копеечку, но не в том проблема: про эти забавы прослышал отец Михаил, давний недруг Аполлония, – еще с семинарских времен, когда, если верить Михаилу, будущий архиепископ, в ту пору попросту Ваня Черемухин, больше бегал по девочкам и кушал водочку, нежели штудировал отцов церкви. Отец Михаил, воодушевившись перспективой обстоятельной кляузы в патриархию, попытался докопаться до подробностей, но ничего толком не знал, располагая лишь смутными слухами, а потому не нашел ровным счетом никаких доказательств. Торжествующий Аполлоний, публично сокрушаясь

насчет людской злобы, без всякого труда дезавуировал недруга и отбыл освящать новый офис компании «Панасоник»...

Всю эту историю Вадим знал в подробностях от Катеньки-Ирмы, исполнявшей тогда роль одной из латинских гетер. Ее мастерская игра произвела такое впечатление на Аполлония, что архиепископ, как тонкий ценитель изящных искусств, задержался на ночь и до утра, надо полагать, пытался обратить еретичку в истинную веру (что до этой части рассказа, Катенька лишь досадливо фыркнула и обронила: «А еще епископ, козел с фантазией...»)

Одним словом, если проанализировать скудноватые обрывки информации (Катя, конечно, знала лишь свой крохотный участок работы), все же можно было догадаться, что предприятие солидное и приносит своим хозяевам немаленькие барыши. Визирь даже как-то заикнулся, что имело бы смысл выйти на владельцев и войти в долю. Идея пришлась по вкусу, от безделья ее обсуждали долго и увлеченно, но потом Доцент мимоходом подкинул мысль, враз изменившую точку зрения и как-то незаметно прекратившую дискуссию вообще: если рассудить, владельцы данного заведения поневоле становятся и владельцами груды серьезного компромата, главным образом связанного с «особыми заказами». А в наше интересное время обладание компроматом порой чревато, если ты не генерал Коржик. Мало ли что взбредет в голову потаенно резвящимся серьезным клиентам... Словом, лучше не связываться. Большинством голосов вынесли именно такую резолюцию. Как человек подозрительный, Столоначальник даже попытался обыскать барак на предмет крохотных видеокамер и микрофонов, но его дружно подняли на смех, убедив в конце концов: сама по себе игра в узников никакого компромата скрывать не может, это не книжки про приватизацию...

Глава третья

Личная жизнь за колючкой

Скучно было в бараке – Борман уже подремывал, Браток все возился с писклявым тамагочи, еще трое куда-то смылись, видимо, пошли прошвырнуться перед сном (это не возбранялось, чихать было администрации, что происходит внутри лагеря). Очередную «Приму» Вадим вышел выкурить на веранду – довольно обширную, в старые времена для пионеров метража не жалели. Половина стекол, правда, была выбита – похоже, заброшенные строения обладают некой мистической способностью разрушаться сами по себе, а пара досок в полу подгнила и провалилась, если не знать, можно и провалиться туда в полумраке. Все они, конечно, давно с этой ловушкой освоились, так что Вадим уверенно обогнул коварное местечко и пускал дым в окаймленный острыми осколками проемчик, пока рядом не нарисовался Столоначальник. Появился и сообщил:

- Табачок кончился, черт. Из-за отмененной отоварки...
- Любите вы халяву, слуги народные... – проворчал Вадим. – Тут лагерь или уже где?
- Ну, лагерь...
- Значит, должен господствовать натуральный обмен. Две сигаретки против звонка.
- Батарейки садятся, а новых нету... – занял Столоначальник.
- Вольному воля.
- Если недолго... Тогда три.
- Черт с тобой, – кивнул Вадим.
- Ты мне только полупустые не вытрясай...
- Так батарейки ж садятся.
- Ну, одну полупустую еще куда ни шло...
- Доволен?
- Ну.
- Тогда пошли, – сказал Вадим, кивая в сторону чулана, где все они устроили свои захоронки.

Подойдя по скрипящим половицам к полуоткрытой двери чулана, оба констатировали, что кто-то успел их опередить для своих дел. В чулане горела лампочка, еще тусклее, чем в бараке, явственно слышался веселый голос Синего:

- Ну что ты ломаешься, Машенька, как прости господи? Добродетель выиграла?

Отозвался чуть сварливый тенорок Василиюка:

– А вы не слыхивали, любезный, про такую вещь – взаимную симпатию? Надо бы ее иметь, да только у меня ее к вам не просматривается... Не воодушевляете вы меня, уж извините.

- Да чего там... – беззаботно протянул Синий. – А вот такая штука тебя не одушевит? Звук неслабой плюхи, сдавленное оханье, еще какая-то возня.

Судя по долетавшим отголоскам, последовала еще парочка ударов, кто-то из двоих – Василиюк, несомненно – жалобно пискнул, что-то упало, Синий рявкнул не в пример жестче:

– Ломаться будешь, пидарасня корявая! Ну? Да смотри у меня, укусишь – шнифты выткну...

Воцарилось молчание, нарушавшееся лишь многозначительными звуками. Оба украдкой заглянули в приоткрытую дверь. Внутри уже наблюдалась определенная гармония – Синий стоял с приспущенными штанами, а помещавшийся перед ним на коленях Василиюк исполнял номер, который в древней китайской традиции именовался игрой на яшмовой флейте любви. Нельзя сказать, что чернявый был охвачен неподдельным трудовым энтузиазмом, но вынужден был стараться: третий человек Синий держал в непосредственной бли-

зости от физиономии партнера самодельный выкидной ножик с напоминавшим скорее шило лезвием. Судя по косым испуганным взглядам Василиюка, действовало неплохо.

Под ногами скрипнула доска. Заметивший неожиданных зрителей Синий, ничуть не смущаясь, поинтересовался:

– Что, орлы, в очередь встаете? А то давайте, пока Марья в настроении...

– Да мы так... – определенно смущенно промямлил Столоначальник, отступая.

– Это вы зря, – пожал плечами Синий и тут же переключился на чернявого: – Не части, Марья, не части, обстоятельно работай...

Они ждали в отдалении от двери еще минут пять, потом из чулана бомбой вылетел Василиюк, притворяясь, будто никаких свидетелей тут и нет, старательно отплевался с веранды и, прямо-таки внутренне кипя, но не осмеливаясь выражать возмущение вслух, убрался в барак. Следом вальяжно прошествовал Синий, подмигнул:

– Спермотоксикоз нужно снимать. А коли ты Машка, так уж Машка. Зря брезгуете, орлы. Ладно, секретничайте, что там у вас...

И тоже исчез в бараке. Вадим честно подождал снаружи, пока Столоначальник возился в чулане, что-то шумно передвигая там и чертыхаясь под нос. Наконец появился с черной трубкой изящных обтекаемых очертаний, озабоченно предупредил:

– Только недолго, батарейки сдыхают...

Вообще-то, он не врал: на подслеповатом экранчике светилась черная тройка, батарейки и в самом деле ощутимо подсели. Вадим привычно набрал номер, после четвертого гудочка трубка откликнулась тонюсеньким голоском:

– Акционерное общество «Альтаир».

Жанна, разумеется. Работа спорится, не без приятности констатировал Вадим. Генеральный директор отсутствует вкупе с директором коммерческим, но механизм сбоев не дает, всегда кто-то дежурит даже в столь позднее время, обоснованно ожидая звонка от босса... Это вам не романтические времена первых лет ударной капиталистической стройки, когда их первый офис размещался в арендованной у Дома пионеров комнатухе, где допрежь того уборщицы хранили швабры...

Омерзительная была слышимость, словно он имел дело с убогими телефонами советских времен (в не столь уж далекие времена порой приходилось звонить с левого берега Шантарска на правый через межгород, иначе и не дозвонишься). В конце концов Жанна разобрала, что это объявился господин Сурганов собственной персоной, хозяин и благодетель, он же царь, бог и воинский начальник, как говаривали в былые времена шантарские приказчики о своих хозяевах, а хозяева – сами о себе.

Судя по ее докладу, все шло, словно по накатанной колее. Не зря говорится, что самый толковый босс – тот, кто сумеет наладить дело так, что оно будет бесперебойно крутиться и в его отсутствие. Заключение договора выполнялись, партнеры пока не подводили, в ближнем, равно как и в дальнем зарубежье все обстояло нормально, грузы двигались, не особенно и запаздывая, все случившиеся кое-где задержки были, в общем, в пределах допустимого. И главное, не прозвучало ни одной из условных фраз, давших бы понять, что случилось где-то нечто, требующее личного вмешательства. А это безусловный плюс. Только люди сторонние и непосвященные могут думать, будто крупные фирмы избавлены от неприятностей. В реальности обстоит как раз наоборот: чем солиднее и круче фирма, тем больше скользких дорожек. Иногда переходишь кому-то дорогу и наступаешь на мозоль, сам того не ведая...

Рядом шумно переминался Столоначальник, кидая умоляющие взгляды, так что разговор пришлось заканчивать в темпе. Потом Вадим еще пару минут деликатно ждал снаружи, пока собрат по бараку упрячет телефон обратно в тайник. И сам, оставшись в одиночестве, занялся своим тайником, устроенным без особых фантазий под металлической флягой, запачканной вовсе уж древней, закаменевшей известкой. В чулан, такое впечатление, сво-

локли хлам со всего бывшего пионерлагеря. Тайники, честно говоря, устраивали абы как – благо никто не собирался лазить по чужим – скорее уж ради соблюдения правил игры.

Под вогнутым днищем фляги как раз прекрасно уместилась нетолстая пачечка тех самых ихних долларов, которые, собственно, и есть наши баксы, да крохотный китайский фонарик величиной с толстую авторучку. Все снаряжение, необходимое для его нехитрых целей, ничего другого и не требовалось.

Сунув в единственный карман полосатого бушлата фонарик и два мастерски исполненных портрета президента Гранта, Вадим внутренне собрался перед не столь уж сложной акцией. Ушки следовало держать на макушке, провалишься, ощутимых неприятностей не будет, разумеется, но вот подземный ход охрана с превеликой радостью изничтожит, а его следует поберечь и для себя, и для преемников...

Уже совсем стемнело. Вадим постоял на краю веранды, присматриваясь, прислушиваясь и прикидывая. Слева давешние придурки продолжали непонятный труд, превращая один из туалетов в подобие то ли сейфа, то ли зоопарковской клетки – там почти непрерывно шипел сварочный агрегат, нелюдски потрескивало, вспыхивали холодные синие проблески. На фоне посеребрившего неба четко виднелся силуэт часового, помещавшегося на единственной вышке, но он стоял к Вадиму спиной, знал, питекантроп, что вредно долго таращиться на пламя электросварки. Точно так же и бдительный Вилли стоял лицом к тайге, развернув туда же мордой верную псину. Прожектор на вышке давно уже озарял один и тот же участок колючей проволоки, луч не сдвинулся ни на миллиметр. Не было нужды особо нервничать – охрана не без оснований полагалась на «объемные» датчики, приспособленные к каждому столбу с той стороны проволоки. Штучки крохотные и стопроцентно надежные, подойдешь к столбу ближе чем на метр – мгновенно поднимут хай вселенский. А посему по территории лагеря можно было перемещаться, как тебе угодно, никто за тем, что происходит внутри, и не следил особо, сосредоточившись лишь на том, чтобы не допустить побега. Вадим, оценив шансы (каковые все были на его стороне), подумал не без превосходства: все же комендант герр фон Мерценбург, если откровенно – совок совком. Много творится у него под носом, о чем он знать не знает. Не зря молва гласит, что герр комендант – не более чем зачуханный советский интеллигент, совсем было собравшийся вымереть ввиду полной неспособности устроить судьбу в новой реальности, но кто-то из шантарского отделения «Экзотик-тура», вроде бы бывший однокашник, пожалел придурка и подыскал непыльную работенку. Во всяком случае, умный человек Доцент именно к этой версии склоняется, да и Вадим склонен ее придерживаться из-за собственных наблюдений и рассказов Катеньки.

Все, кажется, было в порядке, никак не должно оказаться поблизости зоркого наблюдателя за этим именно бараком. Вадим, прикинув в последний раз не особенно мудреную тактику, тихо спустился с крыльца и двинулся вперед, к соседнему барaku, держась так, чтобы его собственный барак остался меж ним и копошившимися у сортира придурками. В соседнем стояла мертвая тишина, словно там и не было ни единой живой души, свет не горел.

Пронзительно, как-то нелюдски шипела электросварка, вокруг то проявлялись, то исчезали черные тени. Овчарка вдруг дернула ушами, повернулась было в его сторону – Вадим замер, – но почти сразу же успокоилась, уселась в прежней понурой позе. Видно было, что ей чертовски скучно, никак не возьмет в толк, к чему эти полуночные бдения.

Вадим двинулся дальше. Выглянул из-за угла последнего барака. Ну, надо же...

Метрах в пятнадцати от него, по ту сторону проволоки, старательно возились еще три темных силуэта. Вспыхнул сильный фонарь, высветил толстый столб, кто-то сварливо стал поучать, как именно следует поставить, как повернуть, чтобы луч падал именно туда, куда надлежит. Остальные двое лениво отругивались без особой нужды, троица держалась с извечным равнодушием мастеровых, которых заставили возиться с занудной работой, в результатах коей лично не заинтересован подневольный исполнитель.

– Тяни, говорю!

Один потянул с деланным кряхтением – ага, толстый провод, уходивший в неизвестную темноту. Ему принялись помогать, и дело, в общем, помаленьку спорилось, хотя Вадим так и не понял, что они там затевают. Ну и хрен с ними. Быстрой пробежкой преодолел последние метров тридцать и оказался у высокой двустворчатой двери бывшего клуба – самого большого строения в лагере. Замер на несколько секунд, чутко прислушиваясь к окружающему, – дверь была темная, а вот стены беленые, кто-нибудь мог и заметить мелькнувший на их фоне человеческий силуэт.

Обошлось. И те, что возле сортира, и те, что возились с непонятным проводом, на окружающее не отвлекались, а часовой на вышке признаков жизни не подавал – если он там вообще пребывал. Мог и уйти дрыхнуть. Осторожненько, тихо, по сантиметру, Вадим приоткрыл высокую створку – почти не скрипела, зараза, – проскользнул внутрь. Постоял, пока глаза худо-бедно не привыкли к темноте.

У противоположной стены свалены в кучу длинные скамейки, справа смутно виднелась сцена, голая, как лунная поверхность, даже занавеса не было. Во времена, казавшиеся ныне чуть ли не сном (когда генсек представлялся вечным, как Кощей Бессмертный, а цены не менялись долгими годами), он угодил однажды в такой вот лагерь. Папенька, изволите ли видеть, возжелал вдруг, чтобы отпрыск не отрывался от коллектива. И пришлось битый месяц тянуть пионерскую лямку. Почти на такой же сцене он однажды и блистал в идиотском балахоне ку-клукс-клановца («без речей», как писали некогда в театральных программах) – тогда в Штатах случилась очередная заварушка, негры хлестались с национальной гвардией, и пионеров, как водилось, заставили отвечать наглядной агитацией на очередные происки империализма. Стоило возиться, если сейчас эти негры из третьего поколения безработных живут получше отечественного профессора? Одним словом:

Раз-два-три, пионеры мы!

Папу с мамой не боимся, писаем в штаны!

Направился в дальний угол, посветил фонариком, бдительно следя, чтобы луч не поднимался выше подоконника, сильно пнул нижний конец доски, которая только со стороны казалась накрепко приколоченной. Доска легко вылетела – поймал ее на лету, тихонько поставил к стене, открыв неглубокий проем, где обнаружилась металлическая рукоятка.

Когда Вадим с некоторым усилием отжал ее вниз до упора, слева, под ногами, явственно щелкнуло. Просунув ладонь в щель, он отвалил крышку люка, старательно установил доску на место, посветил вниз. Осторожненько спустился по нешироким деревянным ступенькам. С обратной стороны к люку была привинчена удобная ручка, стоило дернуть – и крышка встала на место, даже при дневном свете не сразу и найдешь, если не искать специально.

И он двинулся по обшитому широкими досками подземному ходу, узкому, но достаточно высокому, нагибаться приходилось лишь самую чуточку. Воздух был застоявшийся, затхлый, в ноздри лез влажный запах сырости – доски, похоже, начали чуточку трухляветь.

«Деловой человек нигде не пропадет», – подумал он с некоторой гордостью. Правда, лично ему гордиться было нечем – старый друг Паша Мечников, занимавший немаленький пост в местном отделении «Экзотик-тура», как раз в свое время и надзирал за превращением бывшего пионерского лагеря в нечто по духу противоположное. А поскольку Паша с самого начала собирался (в традициях истого коммерсанта) делать бизнес в первую очередь на добрых приятелях, превратив их в клиентов, приготовил для посвященных лишнюю приманку-льготу: подземный ход плюс сговорчивые девочки из лагерной канцелярии. Строите-

лям, понятно, начьхать. Что им велели, то они и сработали и тут же забыли. Герр комендант с присными, ясное дело, не в курсе. А людям приятно, всегда есть возможность скрасить суровые концлагерные будни. Паша и сам пару раз сюда сбегал от бдительной женушки, вовсю используя собственное изобретение...

Ход был недлинный, метров сорок. Поднявшись по ступенькам, Вадим нажал точно такую же рукоятку, чуть приподнял люк – вокруг тишина и темнота.

Вылез, опустил за собой крышку. И очутился в лагерной кухне. Все было продумано на совесть – здешний люк гораздо уже того, что в клубе, всего полметра, со стороны предстает промежутком меж стеной и огромным шкафом для посуды, предусмотрительно приколоченным к стене. Никому и в голову не придет заподозрить неладное – ни охрана, ни комендант до сих пор не раскусили, а сволочная тетка Эльза то и дело швыряет за шкаф тряпки и прочий мусор, чем лишь способствует маскировке...

И – никого. А он-то побаивался, что опоздает. Опаздывала как раз Катенька по извечному женскому обыкновению. Выглянув в окно, Вадим констатировал, что в обиталище коменданта горит только одно окно и доносится какая-то классическая музыка – большой эстет наш герр комендант. А вот в бараке охраны наблюдается некое непонятное оживление, абсолютно не свойственное позднему часу. Горели все окна, то и дело в них промелькивали рослые фигуры, некоторые что-то носили, возле барака стоял небольшой автобус с заведенным мотором – не было тут допрежь такого автобуса. Оживление царило несуетливое, насквозь деловое, Вадим толком не разобрал доносившихся до него фраз, но тон у говоривших был определенно радостный. Кто-то даже громко и немелодично затянул песню. Послышался собачий лай – вроде бы незнакомый, за это время стал уже различать по голосам обеих овчарок... Какие-то новшества заводит герр комендант, не сидится ему спокойно.

Потом совсем рядом с кухней проехала автоцистерна – и этой машины раньше что-то не наблюдалось, питьевую воду привозили в другой, гораздо меньше, на базе «ГАЗ-53», а это, как нетрудно определить, сто тридцатый «зилок». Цистерна исчезла из поля зрения, но уехала недалеко, слышно было, как поблизости проскрипели тормоза, и мотор тут же умолк.

Потом в замке скрежетнул ключ, Вадим предосторожности ради бесшумно отпрянул за шкаф, но узнал Катеньку, проскользнувшую внутрь со сноровкой опытной подпольщицы. Она заперла за собой дверь, как и он давеча, постояла, привыкая к темноте, затем осторожно двинулась вперед, тихонько позвала:

– Ты тут уже?

Он медленно выдвинулся из-за шкафа, подняв перед собой руки в классическом стиле привидения. Катенька шарахнулась от неожиданности, но тут же фыркнула, подошла к шкафу и положила на стоявший с ним рядом стол явственно булькнувший сверток. Сверток был довольно объемистым, так что ночное свидание сулило массу приятного во всех смыслах.

– Что нового в Шантарске? – тихонько спросил он, помогая девушке разворачивать сверток.

– А что там может быть нового? – дернула она плечиком. – Работяги опять проспект перекрыли, пришлось объезжать огородами, пока им там лапшу на уши вешали. Говорят, Зайкин Филя снова едет подвигать попой. На центральном рынке по новой азеров лупят. Совершенно ничего нового.

– Тебя никто не засек?

– Если бы засек, сюда б давно уже ломились наши долбаные орангутаны, – резонно заметила она, ловко разделяваясь с упаковками нехитрых закусок. – Слава богу, собирают вещички, а то никакого уже терпежу – этот козел по кличке Иоганн мне всю задницу исщипал. Жаловалась Мерзенбургу, только никакого толку, сам попытался мне в плавки залезть, а кому он нужен, совок зачуханный...

– Вещички собирают? Это зачем?

– А у них там, оказывается, что-то вроде пересменки, – сказала Катенька, с большой сноровкой извлекая пробку из бутылки. – Новые какие-то нагрянули, на смену. Ни одного знакомого фейса.

– То-то я и смотрю – суета...

– Ага. Мерзенбург бежит, как ошпаренный, морда отчего-то радостная, так и цветет. Бегал-бегал, устал, пошел свои симфонии Шаляпина крутить. А те устраиваются. В общем, вроде ничего мальчишки, хоть я и не присматривалась особенно...

Она что-то еще безмятежно щебетала, накрывая импровизированный достархан. Фройляйн особенным интеллектом никогда не блистала (разве что научилась безошибочно определять, какой штатовский президент какому номиналу на купюре соответствует), но в хозяйственной сметке ей никак нельзя было отказать – в три минуты сварила на подстеленной газетке неплохой для этих мест натюрморт, симметрично поставила справа-слева от бутылки стаканчики, каковые тут же и наполнила. Потом, прекрасно ориентируясь в своих функциях, присела с ним рядом, закинула руки за голову и подначивающе потянулась. Впрочем, его и не требовалось особенно подначивать, господа гусары оголодали-с на жестких нарах...

Он хлопнул стаканчик, по-гусарски проигнорировав закуску, придвинулся поближе и расстегнул на девушке эсэсовскую рубашку сверху донизу. Грудки открылись на обозрение отнюдь не германские, весьма даже аппетитные. Было дело в Германии, давно тому, когда они с Пашей спяну заказали немецких шлюх, вопреки предупреждениям бывалых людей. Оказалось, бывалые люди были правы – товарец прибыл такой, что до сих пор икается.

Катенька пыталась что-то там ворковать, но он положил ей руку на затылок и решительно пригнул светловолосую головку к нетерпеливо напрягшемуся инструменту. Девчонка сноровисто принялась за дело – понятно, конспирации ради без обычных блядских охов-стонов, якобы изображавших неподдельную страсть. Снаружи все еще бродили ново-прибывшие, иногда шумно перекликались, что-то непонятное звякнуло так, словно с высоты сбросили связку металлических цепей.

Обстановка, конечно, была самая что ни на есть сюрреалистическая. Удачливый и процветающий господин бизнесмен, объездивший полсвета и испробовавший массу дорогостоящих забав, от тайландских эротических игрищ до плавания в полном одиночестве на айсберге у аргентинских берегов, куковал в сибирской глухомани, вставив за щеку рядовой шлюшке посреди кухонногохлама. Но, если копнуть глубже, эта-то здешняя зачуханность и возбуждала после всего испытанного. Как на кондитерской фабрике – тамошние работяги со стажем на сладкое и смотреть не могут, селедочку им подавай...

Кончив дело, она взялась было ластиться и ворковать что-то насчет того, что здесь ей чертовски надоело, и нельзя ли пристроить ее в его фирму секретаршей (хорошо хоть замуж не просилась, ума хватало), но Вадим положил ее на пол и выдал по полной программе, без особого изыска в позах, однако ж обстоятельно – и в классической «миссионерской» позе, и перевернувши. Одним словом, за свою сотню зеленых постарался получить по максимуму, после непривычно долгого воздержания буйная плоть никак не желала успокаиваться, так что напоследок произошел еще один сеанс игры на яшмовой флейте.

В общем, стороны расстались, довольные итогом встречи в низах: одна стала богаче на сотню баксов, второй – изгнал призрак спермотоксикоза. Пробираясь назад по пахнущему древесной гнильцой ходу, он не без злорадства вспомнил обожаемую женушку, имевшую обыкновение приставать с требованием мужской ласки в самые неподходящие моменты. Идеальная ситуация – и натрахался до одурения, и супруга в жизни не заподозрит, что муж сходил налево...

Когда он добрался до своего барака, ни у проволоки, ни у сортира уже не было работяг – кончили дело и убрались. Только у ворот имело место непонятное оживление, там кто-то, судя по крикам, качал права, орали в три голоса. На веранде, прислонившись к столбу в расслабленной позе, торчал Синий и, похоже, с живым интересом к этим воплям прислушивался.

– Что это там? – спросил Вадим, вытаскивая сигарету – картонная коробка с «Примой» стояла в кухне, и он прихватил пару пачек, благо никому не придет в голову считать.

– А это наша Маша разоряется, – охотно сообщил Синий. – Не выдержал-таки горячий восточный человек Диван-Беги, вдохновился моим примером и решил установить Машку раком. А та в шум и вопли, всю харю Дивану расцарапала, сейчас вертухаям жалится на притеснения... Где же это вы гуляете, мой друг? – он подошел вплотную и шумно втянул ноздрями воздух. – Сукой буду, несет от вас алкоголем и бабой...

– Да так, тут это... – промямлил Вадим.

– Понятно. Объяснил толково... Слушай, а посторонним туда не просочиться? Откуда ты грядешь?

– Да нет, в общем. Такая игра... – отчего-то не хотелось выдавать подземный ход, словно это его обесценивало.

– Понятно, – повторил Синий не без сожаления. – Ладно, каждый устраивается, как может, что тут скажешь... Ага, примолкли что-то. Не вернется Машка на нары, чует мое сердце, вот Визирь огорчится...

Василуок, действительно, в барак больше не вернулся.

Глава четвертая

Сюрприз на всю катушку

Он не то что открыл глаза – прямо-таки вскинулся на нарах, отчаянно моргая, разбуженный невероятной какофонией. Рядом ошалело ворочали головами Браток и Доцент.

Грохот происходил от опрокинутого бачка с питьевой водой, по которому что есть мочи лупил верзила в черной форме, надрываясь так, будто хотел сообщить о начале всеобщей ядерной войны. Он колотил по бачку какой-то длинной железякой, потом заорал, надсаживаясь:

– Подъем, козлы! Все на апель!

Продравши, наконец, глаза, Вадим обнаружил, что эсэсовец абсолютно незнакомый – определенно из новых. От удивления и неожиданности даже не было желания и времени возмутиться как следует. Таких сюрпризов охрана здесь еще не выкидывала.

– Тебе делать нехрен, муило? – громко возмутился Браток. – Охренел?

– Все на улицу! – орал эсэсовец как ни в чем не бывало. – До трех считаю! Раз, два...

– Два на ниточке, два на спирохете... – заворчал Браток.

Эсэсовец одним движением выдернул из кобуры огромный револьвер, оскалившись, махнул им в воздухе:

– Три! Ну, предупреждал...

Выскочил на веранду, исчез из виду, так что в поле зрения остававшихся в бараке была лишь рука с оружием, – и один за другим оглушительно захлопали выстрелы. Кто-то завопил истошным голосом – глаза моментально стало щипать, потом резать, словно в лицо кинули пригоршню песка, дыхание перехватило, градом покатились слезы. Бахнули еще два выстрела, охранник заорал:

– На улицу, мать вашу!

Но они уже без команды хлынули наружу – полуослепшие, сгибаясь, кашляя и отчаянно отфыркиваясь, сталкиваясь в дверях, отпихивая друг друга, босые, кое-кто в одних полосатых штанах.

Вадим вдруг получил по спине так, что на миг оборвалось дыхание, шарахнулся в сторону, сквозь заливавшие глаза потоки слез разглядел два силуэта, махавших дубинками с невероятной скоростью. Сзади кто-то заорал благим матом – по воплю и не определить кто. В следующую секунду мощный пинок придал ему нешуточное ускорение, и он, ничего не соображая, кинулся в противоположную сторону, чтобы только спастись от хлещущих ударов. Несся босиком, плача, кашляя и отплевываясь, борясь со спазмами рвоты.

Тут же и вывернуло – качественно, наизнанку. Теплая жидкость хлынула на босые ноги, но вскоре, как ни странно, полегчало. Он удержался, не стал тереть глаза руками, и оттого оклемался быстрее остальных. Обнаружил, что стоит на полпути от барака к апельплацу, метрах в пяти позади перхают, плачут, шатаясь и слепо тыкаясь в стороны, соседи по бараку, одним махом заброшенные, как и он, в какой-то невозможный кошмар. На секунду мелькнула шизофреническая мысль, вызванная, надо полагать, тем, что он до сих пор не очнулся окончательно. Показалось вдруг, что грянула неведомая, фантастическая катастрофа, время лопнуло, как в импортном ужастике, как-то не так его замкнуло, и они все провалились в прошлое, в самый что ни на есть настоящий концлагерь, вокруг орут и хлещут дубинками заправдашние эсэсовцы... Мысль эта пронзила его столь леденящим ужасом, что тело на миг показалось деревянным, чужим. Но сзади уже набегал верзила с занесенной дубинкой, и Вадим, не пытаясь больше думать и анализировать, метнулся вперед, к апельплацу. Следом с матами гнали остальных.

Мотая головой, стряхивая последние обильные слезы, он все же не на шутку обрадовался, обнаружив, что вокруг все так и осталось *прежнее* – знакомый апельплац, подновленная трибунка, бараки, сосны, проволока...

На плацу висела та же жуткая матерщина – и обитатели двух других мужских барачных, и все женщины уже были тут, точно так же, как давеча Вадим, бестолково шарахались туда-сюда с отупевшими от ужаса лицами, а рослые эсэсовцы равняли строй пинками и взмахами дубинок, слышались противные, глухие удары резиновых палок по живому, и погода, что ужаснее всего, стояла солнечная, прекраснейшая...

Происходящее просто-напросто не умещалось во взбудораженном сознании, а вот думать нормально как раз было и некогда. Казалось, весь окружающий мир состоит из матерящихся черных фигур, вокруг порхал тяжелый вихрь дубинок, ударявших всякий раз в самый неподходящий момент.

Басистый собачий лай, суета, ругань...

И вдруг, неким волшебством, все успокоилось, уgomонилось, обрело жутковатый порядок. Оказалось, двойные шеренги уже выстроились на плацу, каждый стоял на своем месте, как вбитый в стенку гвоздь, приутих гам, улегся вихрь дубинок – только там и сям, справа, слева, сзади еще перхали, фыркали, отплеывались.

– Ауфштейн! Ауфштейн, швайне!

Наконец, шеренги застыли в предписанной неподвижности. Вадим, не поворачивая головы, стрелял глазами туда-сюда, пытаясь разглядеть все сразу. Картина была новая, небывалая, во всех смыслах неприятная. Мельком он зацепил взглядом смертельно испуганную мордашку супруги, но такие мелочи сейчас не интересовали. Лицом к заключенным, спиной к трибунке вытянулась цепочка эсэсовцев – не меньше десятка, рукава засучены по локоть, почти сплошь новые морды, не считая Вилли и Ганса-Чубайса, скалившегося шире всех. Исчезли прежние «шмайсеры» – раздобытые на какой-то киностудии, пригодные исключительно для пальбы холостыми – черномундирники, приняв позы из ковбойских фильмов, держали напоказ ружья-помповушки, а один красовался с коротким автоматом, новеньким на вид. Исчезли «вальтеры» и «парабеллумы», купленные опять-таки на киностудии, – из расстегнутых кобур торчали светлые и темные рукоятки газовых «Айсбергов», на запястье у каждого охранника висела длинная черная дубинка. Крайний слева держал на толстом плетеном поводке огромную кавказскую овчарку, ярко-рыжую, прямо-таки чудовищных габаритов, пес хрипел и таранился на шеренгу так, что оказавшемуся в первом ряду Вадиму стало не по себе – еще более муторно, если это только возможно.

Там же, слева, чуть отступив от собаки, служившей своего рода шлагбаумом меж эсэсовцами и этой троицей, стояли Василюк и еще двое – в прежних полосатых балахонах, но с такими же газовиками на поясе, с дубинками в руках. У каждого из троих на рукаве красовалась широкая белая повязка, где крупными черными буквами изображено непонятное слово «САРО».

«Тьфу ты, черт!» – вдруг сообразил Вадим, ощутив совершенно неуместную в данный момент гордость за свою сообразительность. Это совсем не по-русски, это латинский шрифт. Никакое это не «саро», это «капо». Что ж, логично...

Вот только физиономии новоявленных капо категорически не нравились – выглядели еще недружелюбнее и гнуснее, чем морды незнакомых охранников, отнюдь не лучившиеся любовью к человечеству и гуманизмом...

– Смирна, твари! Равнение на герра коменданта! – раздался чей-то вопль.

Слава богу, хоть комендант остался прежним – утешение, по правде говоря, дохленькое... Герр штандартенфюрер фон Мейзенбург, показавшийся со стороны ворот, вышагивал вовсе уж величественно, словно за ночь произошли события, вознесшие его на некую недосягаемую высоту. Знакомым стеком он в такт шагам помахивал так, словно вследствие этого

нехитрого жеста где-то далеко отсюда решались судьбы государств и зигзаги мировой политики.

Слева, отступив на шаг, коменданта неотступно сопровождала фрейлейн Маргарита – какие бы изменения ни произошли, они не смели со своих мест лагерное начальство. Маргарита не казалась столь сияющей, как ее шеф, но и печальной ее никак нельзя было назвать...

Повисло тягостное, удивленное ожидание. Шумно дышала собака, на которую жутко было смотреть.

Взобравшись на трибунку, встав на свое привычное место, герр комендант долго молчал, неторопливо водя взглядом по затаившей дыхание шеренге, равномерно постукивая стеком по беленым перильцам. Напряжение нарастало, чулось явственно.

– Альзо, камераден... – протянул комендант. Видно было, что он титаническими усилиями сдерживает себя, чтобы не ухмыляться во весь рот. – Сердце мне подсказывает, что кое-кто из вас пребывает в недоумении, не зная, как объяснить некоторые наши новшества? Верно я угадал, золотые мои, сладкие, хорошие?

– Вот именно, – громко и мрачно проворчал Браток, стоявший рядом с Вадимом.

Комендант, не меняясь в лице, звонко щелкнул пальцами. Мгновенно один из эсэсовцев, стоявших неподвижными куклами, ожил, наклонил дуло ружья. Оглушительный выстрел. В полуметре от босых ступней Братка и Вадима взлетела земля, песок хлестнул по ногам, как плеткой.

– Разговорчики в строю! – рявкнул комендант. – На первый раз прощается, но в следующий раз лицо, нарушающее молчание в строю, получит дробью по ногам, а то и по яйцам. Господа, убедительно вас прошу не доводить до греха... Так вот, друзья мои, я с величайшим прискорбием вынужден констатировать... есть среди вас, подонки блядские, такие тупые индивидуумы, которым напрочь непонятно слово «констатировать»? Разрешаю сделать шаг вперед и громко сознаться в своем невежестве...

Он замолк и ждал с ухмылочкой. Реакции не последовало. Даже если и нашелся один-другой, не особенно разбиравшийся в длинных ученых словах, выйти вперед они не рискнули. Трудно было сказать, чем это обернется.

– Я с величайшим удовлетворением, друзья мои отвратные, вынужден к-о-н-с-т-а-т-и-р-о-в-а-т-ь, что моя манера выражаться не содержит непонятных вам слов, – продолжал герр комендант. – Что ж, не все потеряно... Итак. Возвращаясь к началу, я с величайшим прискорбием вынужден констатировать, что жизнь нашего лагеря, я не побоюсь этого слова, концлагеря, в последнее время нельзя назвать иначе, кроме как бардаком и неподдельным разложением. Посмотрите на себя, пидарасы! Окиньте внутренним взором ваши заживевшие организмы! Да вы же тут благоденствуете, как у тещи на блинах, мать вашу раком! Жрете за столом, как белые люди, загораете, валяете дурака, творите, что хотите, по последним данным разведки, даже суετε друг другу в рот половые органы, электронными игрушками балуетесь... Никакой дисциплины и порядка. А это в корне недопустимо. Поскольку вы, обращаю ваше внимание, все же находитесь в концлагере, а не в какой-нибудь Анталье. Одним словом, вынужден кратко резюмировать: господа, вам звездец! Есть кто-то, кому придется объяснять значение слова «резюмировать»?

Стояло молчание.

– Доступно выражаясь, я решил провести некоторые изменения внутреннего распорядка, – возвестил комендант. – Концлагерь должен быть концлагерем, а не домом отдыха. Эта нехитрая мысль, питаю надежды, сможет проникнуть в ваши новорусские мозги. А если кто-то и не проникнется, эти славные ребята моментально объяснят, только скажите... Желющие есть?

Не было желающих. И не было желания обращаться к «славным ребятам» за какими то ни было разъяснениями, даже самыми безобидными.

– Начнем, благословясь, – выждав, сказал комендант. – Во-первых, пора кончать с этими глупостями, которые именуются «работами». Если кого-то посадили, он должен сидеть. Поэтому с нынешнего дня выход за пределы лагеря отменяется. А поскольку я не верю в вашу дисциплинированность и всерьез подозреваю, что кто-то попробует покинуть лагерь самостоятельно и без спроса, спешу предупредить: к проволоке вчера ночью в ударные сроки был подведен ток. И тот, кто начнет к данной проволоке прикасаться своими грязными лапами... Шарфюрер, продемонстрируйте!

Эсэсовец, повинувшись кивку коменданта, вытащил из-за голенища сапога тонкий железный прут, ухмыляясь, помахал им перед лицами стоявших в первой шеренге и направился к проволоке – аппельплац располагался метрах в тридцати от нее, так что шагать пришлось недолго. Метров с пяти охранник швырнул прут.

Короткий неприятный электрический треск, синяя змеистая вспышка. Кто-то охнул. Вернувшись на свое место, эсэсовец с простецкой ухмылкой – что, съели? – развел руками: мол, мое дело, ребята, подневольное...

– Упаси боже, я вам вовсе не запрещаю лезть к проволоке, – с широкой улыбкой уточнил комендант. – Наоборот, всякий, кому в голову придет такое желание, может его немедленно претворить в жизнь, не опасаясь репрессий. Могу только приветствовать подобное намерение. Урок остальным будет наглядный и убедительный. Есть желающие? Что ж вы так, рванье... Во-вторых. С нынешнего дня отменяются трапезы за столами – тут вам не кабак «Золото Шантары», дорогие мои, хар-рошие! Что вам кинет от ворот ваша добрейшая кормилица-поилица фрау Эльза, то и будете жрать, только делить, спешу предупредить, придется самим – не будет же вам изощряться повариха... Уяснили? В-третьих. Поскольку, как только что неоднократно говорилось, в концлагере более, чем где бы то ни было, необходим строжайший внутренний порядок, я принял решение назначить этих славных малых вашими капо. – Он широким жестом указал на троицу с белыми повязками. – Все распоряжения капо выполняются беспрекословно, с неизбежным громким выкриком: «Точно так, герр капо!» Какое бы то ни было хамство в адрес капо, не говоря уж о злостном невыполнении приказов или сопротивлении законным требованиям, будет незамедлительно караться по выбору самого герра капо – заключением в карцер, – он махнул стеком в сторону сортира, накрытого огромным кубом из металлической сетки и оттого напоминавшего чудовищную мышеловку, – либо незамедлительным и качественным мордобоем со стороны охраны, либо общением с нашим обаятельным Тузиком, – взмах стека в сторону кавказца. – Особо подчеркиваю: медицинская помощь нарушителям данных правил оказываться не будет. Опять-таки спешу напомнить: я жажду, чтобы кто-то из вас постарался побыстрее нарушить правила обращения с господами капо, что даст повод всем остальным убедиться в серьезности моих намерений. Понятно, на печальном примере нарушителя. В-четвертых. Поскольку у нас тут не парк культуры и отдыха, бесцельные шлянья по территории лагеря запрещаю. В бараки друг к другу не заходить, вообще не шлаться без дела, тот, кому приспичит в сортир, обязан двигаться к нему по прямой, которая есть, если вы не знали, кратчайшее расстояние меж двумя точками, при этом громко и непрерывно возглашая: «Номер такой-то следует на оправку! Каковые правила соблюдать и на обратном пути. По нарушителям, кроме обычных наказаний, кои я вам подробно обрисовал, будет открываться огонь с вышки – смотря по вашему поведению... – он широко улыбнулся. – А в остальном – полнейшая свобода. Что вы там будете делать в бараках, меня не касается. Лишь бы только не нарушали вышеперечисленные правила. Хоть на голове ходите, хоть трахайте друг друга, хоть жрите друг друга. Ясно? Ну, кто посмеет сказать, что я вам не отец родной? Найдется столь неблагодарная скотина? Нет? Я душевно тронут. Возможно, вы не столь уж и пропащие скоты, какими мне, признаться, упорно представляетесь. Вижу на некоторых мордах мучительные раздумья, а на иных – нечто, напоминающее недоверие. Вот последнее мне категорически не нравится.

Повторяю, мне хочется, чтобы все присутствующие вдолбили в свои тупые мозги: *это все всерьез*. Хватит, повыстебывались! – впервые он сорвался на визг. – Попыжились, повыделывались, покрасовались, хозяева жизни, мать вашу хреном по голове! – Он даже стиснул перила, но быстро успокоился и продолжал почти нормальным тоном: – Все всерьез. Были – новые русские, а стали в одночасье – новое дерьмо. И я с вами сделаю, что мне только взбредет в голову, если будете выделяться поперек *моих* правил! – Он повысил голос так, что на очаровательном личике Маргариты мелькнула недовольная гримаска. – Отошла малина! Отошла лафа! Вы теперь никто и звать вас никак! Сомневается которая-то гнида? Шарфюрер, продемонстрируйте наглядный пример номер два, будьте так любезны!

Давешний эсэсовец, тот, что подходил к проволоке, круто развернулся на каблуках и принял от коменданта пестрый пакет – по виду один из тех, откуда обычно доставали хлеб с ливерной колбасой. Что-то там лежало, но на сей раз определенно не пайки – пакет выглядел довольно легким.

В следующую минуту стало ясно, для чего у подножия трибуны лежит железный лист, которого еще вчера не было. Черномундирник старательно принялся высыпать на него содержимое пакета – мелькнули несколько паспортов в разномастных обложках, кучка запаянных в пластик водительских удостоверений, еще какие-то корочки разной величины и разных цветов – темно-красные, бордовые, синие. Туда же сыпались какие-то печатные бланки, вовсе уж непонятные бумаги, яркие импортные кошельки для ключей и связки ключей на колечках с брелоками, бумажники, квитанции, еще какая-то мелочь. Не спеша, с расстановкой полил кучу бензином из некрашеной канистры, наклонился, поднес высокий огонек хорошей зипповской зажигалки и отпрыгнул.

Взметнулось бледноватое пламя. Лично Вадима это ничуть не касалось, он никаких документов в конторе не оставлял, но все равно неприятно передернуло – все это и впрямь перестало смахивать на шутку, даже трижды идиотскую...

– Каз-злы! – взревел Браток, видимо, углядев в полыхающей, корбящейся куче нечто ему принадлежавшее, кинулся туда, задев локтем Вадима...

Ему дали пробежать ровно половину расстояния до набиравшего силу пламени. Охранник с длинной неприятной рожей шагнул вперед без малейшего замешательства, как-то очень уж ловко крутнул в руках «Моссберг» с покрытым камуфляжными разводами прикладом – и приклад впечатался в физиономию бегущего, послышался столь мерзкий чмокающий стук, что по телу пошла волна отвратительной дрожи. Вадим ощутил, как под ложечкой у него самого что-то противно екнуло, да так, что слышно, наверное, было всем остальным.

Потом загремели выстрелы – это второй палил по людям, кинувшимся к костру вслед за Братком, стрелял только он один, остальные остались в прежних позах. Крики, оханье, люди падают, катаются по земле, крови не видно, но крики не утихают...

Что-то больно ожгло ногу ниже колена. Вадим, не смея шелохнуться, скосил глаза – рядом с грязной босой ступней лежал черный, слегка деформированный шарик размером чуть поменьше теннисного. Резинка от кого-то срикошетила, резиновыми пулями лупит, гад...

Потом перед сломавшимся строем вновь взлетели невысокие фонтаны земли – это другие палили дробью. Как неудивительно, порядок восстановился чуть ли не мгновенно, выровнялась двойная шеренга, только те, кого задела резинки, корчились и охали в голос перед застывшими – руки по швам – кацетниками да Браток стоял на коленях, зажав руками физиономию, охая и покачиваясь.

– Ахтунг, хефтлиинги! – заорал, надсаживаясь, комендант. – Буду считать до трех. Кто немедленно не заткнется, брошу к херам на проволоку! Айн... цвай... драй...

Упала мертвая тишина, даже Браток унялся, только огромная рыжая псина жутко рычала и рвалась с поводка, недовольная, что ей ни в кого не дали вцепиться. Бензин на

железном листе почти выгорел, там поднимались многочисленные дымки, удушливо вонявшие горелой синтетикой, шипели и пузырились кусочки пластика, налетевший ветерок разбрасывал черные хлопья пепла вперемишку с кусками недогоревшей бумаги. «Это же уже не игра, – беззвучно взвыл Вадим, – разве может быть *такая* игра? Разве можно играть в такие игры с господами, хозяевами жизни, теми, кто платил деньги за *услугу*?»

От страха и непонятности происходящего пересохло во рту. Все творившееся вокруг было столь же диким и невозможным, как если бы взбесился собственный «мерседес» или хлебопечка «Панас», если бы начал тебя шантажировать и грозить побоями ксерокс на фирме...

И тем не менее это был не сон. Это была реальность, все творилось наяву.

Послышался надрывный женский всхлип.

– Ну-ну? – оживился комендант. – Кто там просится на проволочку?

Воцарилось гробовое молчание.

– Послышалось, – сговорчиво протянул комендант. – Акустический обман слуха... А вы что тут валяетесь, господа хорошие? Ну-ка в строй, живенько, ножками-ножками, тут нянек нету... Ох вы, мои хорошие, какие вы нынче дисциплинированные, я из вас еще, смотришь, людей и сделаю... Ахтунг! Господа капо! В темпе гоните свою скотину получать пайку, а потом – по пещерам, милые, по пещерам! Первый барак, арш!

Оживившийся Василюк bravo выкрикнул:

– Цу бефель, герр комендант! – чуть ли не бегом преодолел отделявшее его от соседей по бараку расстояние, остановился в трех шагах и прямо-таки пропел, поигрывая дубинкой: – На-аправоо! На месте шагом арш!

Они сделали поворот направо – без всякой слаженности, как бог на душу положил. Вадим одной рукой поддерживал под могучий локоть Братка – тот все еще пошатывался, чуть ли не вся левая половина лица набухла опухолью, кровянившей несколькими глубокими царапинами.

– Хальт! – рявкнул комендант. – Герр капо, прошу обратить особое внимание на занятия строевой подготовкой. Это, по-вашему, есть «направо»? Верблюды беременные, а не образцово-показательные заключенные! Сегодня еще сойдет, но после обеда начинайте-ка их гонять по-настоящему...

– Цу бефель, герр комендант!

– Гоните за пайкой!

– Яволь, герр комендант! Ша-агом арш! – и после минутного замешательства Василюка осенило: – Ногу держать!

Должно быть, в армии он не служил отроду и потому понятия не имел, как следует командовать, чтобы шеренга шагала в ногу, но его правильно поняли, от отчаяния, должно быть, и кое-как пытались исполнять требуемое. Под ржанье двинувшегося следом охранника дошагали до ворот. Остановились по команде.

– Вольно! – скомандовал новоявленный капо.

Вадим прекрасно разглядел, что лицо чернявого интеллигента пылает неподдельным энтузиазмом и, можно даже сказать, восторгом. Не похоже было, чтобы *этот* испытывал страх или отчаяние.

«Может, там, в большом мире, какой-нибудь переворот? – от безнадежности пришла Вадиму в голову устрашающая догадка. – Взяли власть какие-нибудь красные, встали-таки проклятьем заклеянные, объявили вновь классовую борьбу, и началось? Грабят награбленное и восстанавливают, изволите ли видеть, справедливость? Должно же быть хоть какое-то объяснение? Другого вроде бы и нет... Но ведь вчера вечером все еще было нормально? Правда, со вчерашнего вечера столько воды утекло».

– Попались, засранцы? – вывел его из тягостного раздумья бодрый вопль тетki Эльзы.

Она стояла по ту сторону проволоки, благоразумно отступив от нее не менее чем на метр, передвинулась, встала напротив отверстия в воротах куда только и просунуть буханку хлеба – или кошке протиснуться. Уперев руки в жирные бока, разглядывала «полосатиков» с жадным наслаждением. На поясе у нее обнаружилась расстегнутая кобура с наганом – полное впечатление, настоящим.

– Приплыли, соколы сраные? – тянула она, прямо-таки слюни пуская от удовольствия. – Шо-то вы такие понурые, как будто с утра толком и не просрались... Что приуныли? Не нравится?

Ворота были хлипкие, одно название, – два квадрата из тонких плах, крест-накрест пересеченных досками еще поуже и потоньше, а все пустое место меж ними хоть и оплетено колючкой, но она, конечно же, не соединена с оградой. И еще не особенно внушительный железный засов снаружи. Если дружно напереть всем скопом...

Судя по сузившимся глазам Синего, его посетила та же мысль. Судя по тому, как он слегка ссутулился, пришел к тому же выводу, что и Вадим, – бессмысленно. Охрана успеет подбежать и расстрелять из десятка стволов... стоп, это что же выходит? Я совершенно серьезно допускаю, что охрана будет стрелять на поражение? Любопытно, а что другое в этой ситуации прикажете допускать, если в окружающем мире вдруг все шизофренически, жутко перевернулось с ног на голову?

По ту сторону валялась немаленькая куча досок и тут же сколоченные квадратом толстые брусья – ага, на скорую руку мастерам нечто вроде караулки, вон и ящик с гвоздями, пила, молотки... Что же – *всерьез*? И *надолго*? Господи, да что же тут творится?

– Лови, быдла! – тетка Эльза ловко пропихнула внутрь буханку хлеба, глухо шлепнувшуюся наземь. – А больше, извиняйте покорно, вам на завтрак ничего и не полагается, не графья, перебьетесь. Ладно, знайте мою доброту...

Рядом с буханкой плюхнулись две консервные банки с яркими импортными этикетками – ананасный компот и сосиски. Обе банки наглухо запечатаны.

– А ключ? – машинально подал кто-то голос.

– Ключ-уч? – осклабилась тетка Эльза. – Может, тебе еще и шампанское прикажешь? С какой? Не хотите, не берите. Другие подхватят... Ну, что стали? Шагайте!

Синий первым вышел из строя, подобрал буханку, аккуратно сдув землю, рассовал по карманам банки. Поодаль кто-то громко заорал, привлекая внимание капо и охранника, – это появился еще один незнакомый эсэсовец, подталкивавший прикладом в спину взлохмаченного и злющего Эмиля. «Ну да, он же в карцере куковал, – подумал Вадим. – Я и забыл...» Под глазом у старого приятеля наливался немаленький синяк, руки у него были связаны, а лицо еще более ошарашенное, чем у остальных, уже получивших кое-какую ясность.

Его втолкнули в ворота, так и не развязав рук, заставили встать в строй, и Василук заорал:

– Налево! Кр-ругом! Шагом марш!

Они двинулись к барaku, старательно пытаясь шагать в ногу. Навстречу столь же неуклюже маршировала другая бригада – две шеренги разминулись, отчего-то старательно избегая встречаться взглядами.

– Слушай, что тут творится? – шепотом спросил Эмиль, морщась, – видимо, запястья стянули веревкой на совесть.

– Понятия не имею, – не поворачивая головы, таким же шепотом отозвался Вадим. – Кто-то умом подвинулся... Ты радио, часом, не слушал? Может, революция? Переворот?

– Какое радио? Утром вломились двое, абсолютно незнакомые, начали излагать новые правила. Я поинтересовался, не рехнулись ли ребяташки, тут и началось... Одного я успел обидеть качественно, но и меня со знанием дела вырубил...

– Разговорчики! – взвизгнул Василиук, взмахнул дубинкой, но промахнулся. – Шагом марш!

– Стоять! – послышался сзади совершенно противоположный по смыслу приказ.

Их вприпрыжку догнал эсэсовец, придерживая правой болтавшееся на плече дулом вниз ружье. Мгновенно выдернул за шиворот из строя Столоначальника, бросил Василиуку, как своему:

– Приказано – на допрос. Гони козлов в стойло.

И погнал Столоначальника к воротам, подталкивая кулаком в поясницу. Третья бригада и женская половина заключенных в полном составе еще стояли навтыжку перед трибункой, но герр комендант уже не обращал на них ни малейшего внимания, о чем-то, полуотвернувшись, беседовал с Маргаритой. Вадим так и не понял – то ли в самом деле перехватил полный ужаса взгляд Ники, то ли примерещилось и она смотрела в другую сторону.

Глава пятая

Вопросов больше, чем ответов

Вернувшись в барак, обессиленно плюхнулись на нары и полезли за сигаретами. Новоявленный капо прохаживался от двери до окна и обратно, украдкой зыркая на столь неожиданно вверенных его попечению узников. Особенно часто его взгляд задерживался на Синем и Визире – взгляд, надо сказать, ничего приятного не обещавший. Не нужно быть титаном мысли, чтобы сообразить: неожиданно взлетевшего на вершины власти чернявого педика прямо-таки распирало от желания пустить эту власть в ход немедленно, но он еще не освоился со своим новым положением, и фантазия работала скверно...

Лежать Вадим не смог – только теперь стала ощущаться тупая боль в спине. Остальные, обнаружилось, тоже украшены кое-где синяками, морщатся при резких движениях, на Братка вообще жутко смотреть, опухоль достигла предела.

– Не лезь лапами, не лезь, – сказал ему Синий. – Растревозишь только.

– Еще и зубы ломит, бя...

– Перетерпи.

– Бя буду, скулу сломал...

– Ничего подобного. У меня глаз наметанный, знаешь ли. Дней несколько походишь в уродском виде, а через недельку опухоль сойдет...

– Если только в чем-то распоряжении имеется пресловутая неделька... – бросил в пространство Василюк, постукивая себя дубинкой по ладони.

– Нет, ну это черт знает что, – громко заявил Борман. – В конце концов, здесь собрались люди, занимающие определенное положение и посты...

Василюк одним движением оказался рядом и, уперев конец дубинки повыше бровей Бормана, процедил:

– Как насчет карцера, человек с положением? Говнецо ручками пособирать?

Борман молчал, зло посапывая. Физиономия чернявого вдруг прямо-таки осветилась в приливе озарения, он покосился на Синего: коротко, зло, многозначительно. Тот напрягся.

На веранде загрохотали уверенные шаги, в дверь просунулся охранник:

– Вова, давай в темпе на инструктаж, комендант всех собирает...

Посторонился, пропуская Василюка, с широкой улыбкой записного весельчака воззрился на примолкших узников:

– Ну что, толстые? Звиздец нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждешь? Х-ха!

И удалился, нарочито погромыхая сапогами, насвистывая нечто бравурное...

– Реформы... – протянул Синий. – В стиле эпохи... – Достал ножик и принялся кроить буханку. – Как бы там ни было, а поесть треба. Силы нам понадобятся, чует мое пострадавшее сердце...

– Банки вскрой, – попросил Красавчик.

– Не годится. Увидят вскрытые, догадаются, что их чем-то острым как раз и взрезали...

– Да это уже несущественно, – пришло вдруг в голову Вадиму. – Этот пидер знает, что у тебя нож.

– И точно. Ситуация осложняется... Ладно, подай-ка сначала сосиски. В самом деле, моментально вспомнит, гнида... Орлы, у кого-нибудь есть идеи? Не знаю, как насчет вас, но лично я этакое дерьмо на хохломском подносе в жизни не заказывал. Разве что в нашу теплую компанию мазохист затесался...

– Господи, да кто ж заказывал? – в сердцах сказал Визирь. – Подобные выкрутасы происходят исключительно в карцере и сугубо по желанию клиента. (Красавчик смущенно опу-

стил глаза, хотя никто на него особо и не таращился.) А нынешняя фантазмагория задевает абсолютно всех. Или я преувеличиваю, господа?

– Да что уж там...

– Послушайте, – сказал Вадим. – Что, если это какой-то переворот? Я вполне серьезно. Грянула, наконец-то, предсказанная антикапиталистическая революция? И обрадованный плебс ринулся мстить? Они же спят и видят, как бы нас раскулачить на старый манер... Что анпиловцы, что гайдаровцы, гайдаровцы даже сильнее – красным попросту хочется, чтобы вернулись прежние времена, а гайдаровцам еще вдобавок невероятно обидно, что никто их советов не слушает и сладким пирогом не делится. Насмотрелся, учен. Последнюю сессию областной думы помните? Этот поганый доктор Айболит, что предлагал вздуть арендную плату за офисы втрое, как раз не красный, а местный главный гайдаровец...

– Рычков?

– Он, пидарасня очкастая...

– Ну это же несерьезно, – протянул Визирь. – Слышал я о нем краем уха. Из медицины его как раз и турнули за то, что забыл салфетку в чьем-то животе. Куда такому податься? Только в думу.

– Господи, дело совершенно не в том! – огрызнулся Вадим. – Про салфетку я и сам знаю. И про триппер, которым он санитарку наградил. Не в том дело, Элизбар... Вдруг и правда переворот?

– Вечека, Вечека приласкала Колчака?

– Что тут необычного? Выплеснулось наконец...

– Не знаю, как насчет переворота, но документики они всерьез спалили, – вмешался Браток. – Без балды. Я свои корочки сразу опознал. У меня и водительское, и свидетельство на «мерсюк» были зашпандорены в золотые рамки. На водительское пошло двадцать грамм, а на регистрационное аж сорок два...

– И зачем тебе это понадобилось, дитё уродливой экономики? – грустно улыбнулся Доцент.

– Чтоб гаишники охреневали, – простодушно пояснил Браток. – Золотыми цепями и гайками нынче никого не удивишь.

– Сам придумал?

– А что я, полный чурбан? Ничего придумать не в состоянии? У меня и талон в золото заделан, только я его дома забыл... Мои корочки горели, зуб даю, а золотишко так и не содрали, видел же...

– Переворот? Ну, не знаю... – сказал Доцент. – Лично мне эта версия кажется фантастикой дурного пошиба.

– В ваших ученых заведениях проблемы не ощущается, – огрызнулся Вадим.

– Ох... Признаюсь вам, Вадик, я уже давно не в научном учреждении, а самом что ни на есть коммерческом. Отсюда и денежки на предосудительные развлечения. И понимание тех самых проблем. Они стоят, вы правы. И довольно серьезные. Но в вашу внезапную революцию я отчего-то не верю. Не потому, что так легче и не столь страшно, а в силу объективных причин. Не могу поверить в революцию, развернувшуюся *таким* вот образом. Все-таки не восемнадцатый век, когда в едином порыве кидались с вилами на барский двор и били по голове всех встречных-поперечных. И даже не семнадцатый год. Кстати, в семнадцатом тотальный грабеж начался отнюдь не сразу после взятия Зимнего. Несколько месяцев царили полная неопределенность и анархия.

– А банки?

– Согласен, банки они заняли сразу. Но период некоторой неопределенности все-таки имел место. Масса народа успевала убраться подальше, набив саквояжи золотишком.

– Тогда не было ни компьютеров, ни спутниковых телефонов, – уперся Вадим.

– По-моему, наличие компьютеров и сотовиков как раз вашу версию и опровергает. Потому что большая часть этих игрушек как раз и принадлежит возможным объектам раскулачивания. Ну, давайте посмотрим реальности в глаза. И анпиловцев, и гайдаровцев – горсточка. Маргиналы, шизофреники без всякого влияния и возможностей. «Цивилизованные» левые – народ, что ни говори, респектабельный. Как ни бьюсь, не могу представить товарища Зюганова, раскулачивающего под красным флагом товарища Семаго. Или нашего шантарского Мурчика, который раскулачивает сам себя... Вы, по-моему, с его фирмой вполне нормальные отношения поддерживаете?

Вадим молча кивнул.

– Вот видите. Единственный, кто в нынешних условиях может устроить мало-мальски масштабный, тотальный переворот – наша непредсказуемая власть. Вот от нее можно ждать чего угодно. Однако голову даю на отсечение, в этом случае все обстояло бы совершенно иначе. Как – не знаю. Но что иначе – ничуть не сомневаюсь. Если подвергнуть все происшедшее логическому анализу, очень похоже, что мы имеем дело с самой что ни на есть кулуарной самодеятельностью. Дешевый триллер категории «Б». Полное впечатление, будто нечто похожее мы уже сто раз видели по телевизору. Похоже?

– Очень...

– Вот видите. Давайте спросим профессионала, – он повернулся к мрачно сопевшему Борману. – Как бы вы действовали в случае приказа из центра на всеобщее и стремительное раскулачивание? Ну, не стесняйтесь, мы же не дети...

Помолчав, Борман сообщил:

– Вообще-то... Арестовал бы счета, занял коммерческие банки, офисы, выгреб бы документацию. Разумеется, доставив хозяев в офисы, чтобы быстренько показывали, где что лежит и как открываются сейфы...

– Вот то-то! – воскликнул Синий. – То-то! Я, правда, не местный, но эти волки везде одинаковы... Нет никакой революции, а есть очередные ментовские штучки. Была денонимация, а теперь – декапитализация.

– Глупости! – взвился Борман. – С профессиональной точки зрения, держать вас всех здесь абсолютно бессмысленно.

– Может, ты хочешь, чтобы мы дозрели, как груша на веточке, – усмехнулся Синий. – Знаю я ваши прессовочки...

– А это? – Борман сгоряча схватился рукой за свой синяк во весь лоб, начавший уже желтеть.

– А это – ради пущего правдоподобия. В целях пущего служебного рвения. Скорее медальку повесят – личное участие, проявленное при этом, членовредительство ради идеалов...

– Шиз, – бросил Борман.

– Знаю я ментовский почерк...

Борман плюнул и пересел от него подальше.

– Извините, что-то тут не вытанцовывается, – сказал Доцент. – Опять-таки дешевым детективом отдает. Можно было заслать наседок и помельче калибром. Наш друг, – он кивнул на Бормана, – не менее чем полковник, я отчего-то полагаю...

– Да ну, – вклинился Браток. – Тоже мне, кроссворд. Никакой он не полкаш, а генерал-майор. Знаю я его вприглядку. Раньше не говорил, не мое дело, мало ли как ему развлекаться охота...

– Не врет? – поинтересовался Доцент.

– Не врет, – сумрачно согласился Борман. – Вообще, если хотите знать, моя сфера – криминальная милиция. Вы все, о чем сами прекрасно знаете, по другим департаментам проходите.

– Точно, – сказал Браток. – Криминалка. Леху Пузыря чуть не посадил, мудака, за полную ерунду – подумаешь, в кабаке по люстрам стрелял. Едва выкупили... – он поспешно умолк.

– Ну-ка, ну ка! – оживился Борман. – А через кого выкупали?

– Так я тебе и доложился, – огрызнулся Браток.

– Выберемся отсюда – я с тобой пообщаюсь...

– Иди, – буркнул Браток. – У меня справка. Параноидальный бред с кратковременным выпадением сознания.

– Ишь, заучил...

– А то!

– Хватит, – поморщился Доцент. – Тут есть еще один, и весьма даже прелюбопытнейший аспект... Почему мы все так легко и в считанные минуты подчинились? Моментально...

– А ты сам-то сопротивлялся? – въедливо бросил Браток. – Что-то я не заметил. Скакал на плац, что антилопа...

– Не спорю, – согласился Доцент. – Вот я и спрашиваю – почему? Люди здесь собрались в большинстве своем уважаемые, из тех, у кого, вульгарно выражаясь, все схвачено и за все заплачено. В родном Шантарске никто из нас не потерпел бы и сотой доли подобного хамства... Отчего же вдруг?

Долго стояло напряженное молчание. Наконец Визирь пожал плечами:

– Потому что, мне так представляется, подсознательно все ждут от нынешней жизни каких-то поганых сюрпризов. Все мы ходим словно бы по тонкому льду и каждую минуту боимся рухнуть под лед – а подо льдом еще и акулы плавают...

– Я бы примерно так и сформулировал, – поддержал Вадим. – Живем, как на вулкане. Не ощущается уверенности в окружающем. На чем бы ни ездили и сколько бы баксов ни имели в кошельке на мелкие расходы. Давайте честно: эскулапы сейчас делают лихие деньги как раз на нашем брате. Психиатры, психоаналитики, сексопатологи. Даже в прессу прорвалось кое-что...

– Резонно, – сказал Доцент. – Значит, у всех без исключения как-то сразу возникло ощущение, что все всерьез... Верно? Вот видите... Боюсь, так и обстоит. Что-то пошло вразнос. Знать бы еще, что? Давайте пока отбросим версию насчет революции и прочих раскулачиваний. Люди собрались серьезные, кто-то что-то обязательно бы прослышал... Задолго до. Достаточно, чтобы встревожиться. Шила в мешке не утаишь. Кто-нибудь из здесь присутствующих пострадал от прежних денежных реформ и прочих якобы внезапных новшеств? Нет пострадавших? Как бы ни держали в секрете власти свои сюрпризы, через столицу всегда утекает информация – к тем, кто толк понимает... Милицеская версия меня тоже не устраивает. Считайте, что это интуиция... Не устраивает, и все.

– Они сожгли мое удостоверение, – мрачнейшим тоном сообщил Борман. – Я его издали узнал. – Покосился на Синего. – И плевать мне, веришь ты там или нет...

– Ну, а у вас самая подходящая версия есть? – спросил Визирь. – Легко сокрушать чужие...

– Есть, знаете ли. Постараюсь изложить. Все происходящее – не более чем примитивный заказ. Мы не знаем всех, кто сейчас в лагере. Большая часть здесь шантарцы, но и мы друг друга далеко не все знали... Словом, иногородних хватает. Вроде бы есть парочка столичных штучек.

– Есть, – поддержал Вадим. – Мне... говорили.

– Пойдем дальше... До сих пор, насколько нам известно, все «особые заказы» исполнялись для конкретной персоны и при этом касались только лично ее. Все остальные участники спектакля были нанятыми актерами, персоналом. Об исключениях мы до сих пор не слышали. Это еще не означает, что исключения невозможны вовсе.

– Ага... – протянул Синий с видом полного понимания. – Чудит кто-то из своих? Это вам в голову пришло?

– Вот именно. Вполне возможно, что сейчас в котором-то бараке некая конкретная персона похихикивает в кулак. Персона, которая как раз и заказала утренний поганый спектакль. Ради, вульгарно выражаясь, великого кайфа. Собственно, ничего особо жуткого не произошло. Всем испортили настроение, заставили не на шутку переволноваться, уничтожили документы кое у кого – все это весьма неприятно, однако особенного членовредительства так и не произошло.

Браток издал самое натуральное рычание.

– Конечно, с вашей точки зрения выглядит это непригляднейше, – кивнул Доцент. – Но если рассматривать явление в целом – ничего особо страшного, повторяю, не произошло. Синяки, ушибы и тому подобные мелочи. По большому счету – мелочи. Давайте смотреть правде в глаза. Неужели не найдется субъекта, который сумел бы выдумать именно такой сценарий? Наплевавши с высокой колокольни на эмоции остальных? Знает кто-нибудь, что в свое время вытворяли Сергей Суховцев с Мишей Ярополовым? «Синильга», «заимка Прохора Громова»?

– Ну как же, – сказал Визирь. – Вот только... Во-первых, Сергей не трогал *своих*. Во-вторых, и его, и Ярополова в конце концов прикончили, и до сих пор неизвестно, кто. Подобные печальные прецеденты многому могут научить, заставят поумерить фантазию...

– А как быть с тем, кто о печальных прецедентах не слыхивал вовсе? Вернемся к моей версии... Повторяю, неужели не найдется индивидуума, способного придумать и заказать именно такое ублюдочное развлечение? И скажите-ка вы мне, господа вольные предприниматели, – неужели исполнителей моральные соображения остановят? Моральные соображения находятся в прямой и непосредственной связи с толщиной пачки зелененьких...

– А это, знаете ли, убедительно... – промолвил Борман.

– Как для кого, – сказал Визирь. – Если этот ваш гипотетический заказчик не полнейший шизофреник, должен кое-что соображать. И принимать во внимание. Здесь собрались не шестерки. Многие из нас в Шантарске располагают оч-чень хорошими возможностями. Не могу решать за всех, но сам говорю спокойно, как горячий кавказский человек: дайте мне только отсюда выбраться, и все местное отделение «Экзотик-тура» будет неделю стоять на коленках под моими окнами, пока я придумаю, что с ними делать.

– Р-раком ставить козлов и стебать под музыку, – поддержал Браток.

– Примерно так, – кивнул Визирь. – В любом бизнесе есть некие границы. Что, они не понимают? Не понимают, что после таких штучек – конченные люди? Не могу себе представить вознаграждения, которое компенсирует все будущие неприятности. Шизофреником надо быть...

Доцент мягко перебил:

– Между прочим, Сережа Суховцев, положив руку на сердце, был полным и законченным шизофреником. И прежде чем его убрали неизвестные, успел наворотить дел...

– Многовато что-то шизофреников для Шантарска.

– Отчего же? Наоборот, удивительно мало...

– Много шизов или мало, а нужно что-то придумывать, – сказал Синий. – Честно говорю, я этой Машке скоро в глотку вцеплюсь, если так будет продолжаться...

– Тут многим следовало бы в глотку вцепиться, – зло бросил Вадим. – Поди вцепись...

– Может, попробуем вычислить? – оживился Браток. – Посмотрим, у кого синяков нету?

Он завертел головой, недвусмысленно постукивая могучим кулаком по ладони.

– Сбавьте обороты, мой юный друг... – печально усмехнулся Доцент. – Во-первых, среди присутствующих, как я вижу, все в той или иной степени получили по хребту. Во-

вторых, в другие бараки так просто не попадешь и не проверишь, а без этой возможности стопроцентной уверенности у нас не будет, только перегрыземся без всякой пользы.

– Ну так предложи что-нибудь, умник, – фыркнул Браток, осторожно массируя кончиками пальцев жуткую припухлость. – А то я сам тут все разломаю вдребезги и пополам...

– Если получится. Пока что-то не получается. Это не в ваш адрес насмешка, а констатация факта...

– А не взять ли нам, господа, заложничков? – раскрыл рот Эмиль, до сих пор молчаливый. – Нож к горлу и далее по избитому сценарию. Научены средствами массовой информации. Если против нас не государство, есть смысл побрыкаться. Спецназа по нашу душу коменданту взять вроде бы и неоткуда...

– И кого брать? – задумчиво произнес Синий. – Пидараса Вову или кого-то из мордоворотов? Вот если Мерзенбурга или Марго... Как вам, господа буржуи? Шанс это или пустышку тянем?

– Надо еще, чтобы комендант или Марго оказались в пределах досягаемости, – сказал Эмиль. – Они и до этого осторожничали, а уж теперь... Но все равно, другого шанса я что-то не вижу.

– Как сказать, – загадочно произнес Синий. – Успел я мельком присмотреться к проводу, который прихерачили к колючке. И шепчет мое сердце, что не было у них ни выдумки, ни особой возможности соорудить нечто по-настоящему безотказное. Это, судари, определенно фаза. Фаза у них подведена на колючку, и стоит подумать...

– Насчет чего? – жадно спросил Вадим.

– Да так, первые наметки, – отмахнулся Синий. – Мысли по поводу, каракули на полях... Фаза на колючку... Идти провод может только от местного дизелька, где бы они взяли другой источник... Тьфу ты, черт, там же еще и датчики, но это не так уж и принципиально, ежели пораскинуть мозгами...

– Я бы не спешил с действиями, – сказал Борман. – До сих пор они нас опережали. Нужно если не обыграть на пару ходов вперед, то хотя бы уравновесить ситуацию. Вы не забыли, что нашего чиновного друга поволокли на допрос? Нужно подождать, когда вернется. Что-то мы из его рассказов непременно узнаем, что-то сможем проанализировать, рассчитать... А вашего вероятного заказчика мы и в самом деле своими силами ни за что не вычислим, нечего и пытаться. Подождем? Не горит вроде бы. Зато вариант с заложниками я бы всерьез отработал. И незамедлительно. Стоп! Это что?

– А это кто-то на opravку спешит... – плюнул Эмиль.

В самом деле, мимо их барака проследовал незнакомый «полосатик», вопя истошно и безостановочно:

– Номер пятьдесят пять дробь семь следует на opravку! Номер пятьдесят пять дробь семь следует на opravку!..

– Господа, а ведь и нам так придется. У меня, признаться, уже подкатывает...

– Ну и покричим, – сумрачно сказал Синий. – Куда деваться. Одно плохо: эти слабички-уступочки обычно идут чередой, начнешь уступать и не заметишь, как вляпаешься по уши в дерьмо...

– Так ведь нет пока другой тактики.

– Сам знаю. Но на душе погано...

– Попала собака в колесо – пищи, да бежи...

– Я вот только что хочу сказать, – бросил Синий. – Если эта гнида пребывает среди нас, лучше ей побыстрее заканчивать. Редко пугаю *всерьез*, но если так дальше пойдет, данную гадюку я приговорю, независимо от прочих, что бы они там ни решили. И если что-то из здесь сказанного наружу выпорхнет, лично я сделаю выводы и искать буду сам, народными методами... Не для того выползал из дерьма, цепляясь всеми когтями, чтобы со мной теперь

такие шутки играли... Порву... И ты так не пялся, господин генерал, ваше степенство, – если твои фокусы, если ты эту чучу дрючишь, найду способ...

– Испугал, – с видом гордым и несгибаемым сказал Борман. – Стану я унижаться, тебе что-то доказывать... Если не совсем дурак, перестанешь на меня клыком цыкать. Это не я. Понятно тебе? Со своей стороны, веселую жизнь гниде гарантирую... За одно удостоверение кровью срать будет.

– А если ты до него дотянуться не сможешь, превосходительство? – Синий уже успокоился, попросту не желал сейчас оставлять за извечным антагонистом последнее слово.

– Найду способ.

– Ты вот до Фрола сначала дотянись.

– Слушайте! – Вадим едва ли не взвыл. – Ну мы с вами и лопухи! Телефон!

– Какой еще телефон?

– Да вашу мать! Столоначальников сотовик!

Не менее полминуты царило молчание, в котором удивительным образом смешались самые разнообразнейшие чувства. Потом Браток в приливе чувств замахнулся на Вадима всерьез, охнул от резкого движения, схватился за распухшую скулу, зашипел.

– Действительно, – выдохнул Визирь. – Забыли, идиоты! Шэни дада, как же могли забыть?

– Не сочетается с утрешним сотовая связь... – печально покривил губы Доцент. – Совсем из памяти вылетело, что кроме примитивных ужасов есть на свете сложная техника...

– Где трубка?

– Где-то в чулане, – сказал Вадим. – Где же еще?

– Слушайте, там же немеряно хлама. Начнем все ворочать – можем привлечь внимание. Лучше подождать, пока вернется. Скажет, где...

– А если Машка первым вернется?

– Нет, начнем все ворочать – наделаем шуму...

– Ладно, подождем, – с напряженным, решительным лицом распорядился Синий. – Ради такого случая можно Машку и взять за кадык. Плевать, что побежит жаловаться. Когда вернется чиновничек, даванем Машку и позвоним. И ни черта они с нами не сделают – в Шантарске-то будут знать, боком выйдет. И придется им закрывать лавочку. – Он хищно усмехнулся: – Но все равно кое с кем я разберусь...

– Подождите, а кому звонить? Батарейки садятся, я точно знаю, – заторопился Вадим. – Слышимость паршивейшая, времени у нас будет мало... Давайте в «Экзотик-тур»? У меня там хороший приятель, наведет порядок.

– Не пойдет, – отрезал Синий. – Что-то я этому «Экзотику» после сегодняшнего больше не доверяю. Кто его знает, сколько себе в карман твой дружок положил капустки. Мог ведь тебя и предупредить заранее по старой дружбе, не ходил бы ты весь в фингалах...

– Тогда в мою службу безопасности, – предложил Вадим. – Вмиг нагрянет бригада...

– Можно и в нашу, – сказал Доцент. – Имеется, знаете ли... Тоже весьма эффективна.

– На телевидение? – несмело предложил Красавчик, впервые за все время вклинившись в разговор. – На наш канал?

– Ах, вот где я тебя видел... – обронил Визирь. – У Каратаева... Нет, телевидение сейчас не авторитет...

– Поручите мне, – попросил Борман с нехорошей, кривой улыбкой. – Подкатит рота внутренних войск на броне, положит всех этих рожами в дерьмо, смотришь, кое-кто и перестанет меня подозревать во всяких идиотствах... Я с ними сам поговорю со всем галантерейным обхождением...

– Да ладно, – сказал Синий. – Что-то я тебя, превосходительство, перестаю подозревать. Злишься ты по-настоящему, чем дальше, тем больше. И начинаю припоминать, что и в самом деле полыхала там твоя ксивочка...

За окном вновь раздался протяжный, испуганный вопль:

– Номер пятьдесят пять дробь семь следует с оправки! Номер пятьдесят пять дробь семь следует с оправки!

С другой стороны послышалось:

– Номер сорок девять дробь семь следует на оправку! Номер сорок девять дробь семь следует на оправку!

Синий сплюнул:

– Приспособился народец... Ладно. Так вот, господа буржуи, в нашей новой идее есть поганенькая прореха. Как мне ни грустно, а прореха зияет... Хорошо. Хай будет рота на броне. Ради такого случая готов поаплодировать ментам, в чем сознаюсь, наступая себе на горло... Генерал, а куда ты роту-то пошлешь?

– Как куда? Сюда. Ускоренным маршем. Вообще-то, необязательно возиться с бэтэрами, это долго, проще поднять пару вертушек...

– Да не о том я, не о том, – досадливо отмахнулся Синий. – Не о деталях. Куда – сюда? Где это самое «сюда» располагается? Я сюда ехал в автобусике с наглухо покрашенными окошками, на этот автобусик «экзотический» сел в Манске, как и договаривались с фирмой. Но после этого ехали мы куда-то еще часа два. Часы у меня забрали сразу, когда в автобусе выдали полосатку, но примерно определить можно было. Или кто-то сюда прибыл в нормальных условиях, смотрел в окно, наслаждался пейзажами и помнит дорогу? Нет? Что молчите? – впервые прорвалась в голосе у него надрывная нотка. – Молчите? Значит, все на этом сучьем автобусе прибывали? И ехали долго? Блядь, судьба играет человеком, а человек играет на трубе...

Вадим впервые слышал от него матерное слово, и от этого стало еще тоскливее – уж если этот битый и жеванный жизнью элемент на миг запаниковал и перестал владеть собой...

– Похоже, так и получается, если никто до сих пор ни словом не возразил, – подвел печальный итог Доцент. – Автобусик со старательно покрашенными окнами, дверь заперта снаружи, помню, я немного побаивался какой-нибудь аварии – в запертом-то снаружи салоне... Значит... Этаким круг, где радиус – два часа езды на автомобиле от Манска. Большая часть пути – то ли по асфальту, то ли по хорошей, убитой проселочной дороге, вроде бы была и парочка подъемов, очень уж мотор надсаживался, и спуски были...

– Иногда по стеклам снаружи словно бы еловыми лапами стегало, – добавил Вадим. – Узкая лесная дорога. Ничего себе получается кружочек...

– Одно можно с уверенностью сказать, – перебил Борман. – Мы все еще в Шантарской губернии. Чтобы добраться до восточной губернской границы, двух часов не хватит – я имею в виду, двух часов езды на таком вот автобусике. Телефон, хоть и с грехом пополам, но работал в зоне приема... Мы еще в родной губернии.

– Много нам эта теорема поможет... – протянул Синий. – Вадик прав – круг получается приличный.

– Подожди, – оборвал Борман. – С этими двумя часами еще толком и неизвестно. Не знаю, как у тебя насчет культурного багажа... Есть один рассказик о Шерлоке Холмсе...

– Ну-ка, ну-ка... – подхватил Синий. – Что-то вертится... Благо этот финт был полезен не только в шерлоковские времена, но и в нашей веселой жизни... Ты про тот, где фальшивомонетки?

– Ага. Особнячок у них располагался совсем неподалеку от вокзала, но непосвященного человека они возили в зашторенной карете часа два, чтобы решил, будто уехал от вокзала к черту на рога... С нами могли преспокойно выкинуть тот же номер.

– Ну, и что это нам дает? В любом случае наш санаторий – не в самом Манске, а километрах в нескольких от него, причем точное направление неизвестно. С какой стороны Манск ни бери, ближе километров пяти от него тайги не имеется. Нет, возле самого города никто не стал бы устраивать такое хозяйство. Ни к чему случайные зеваки, при всей законности бизнеса. Знаете ли, пионерлагеря могут располагаться весьма даже далеко от ближайших населенных пунктов. Был кто-нибудь на Баранкуле? Тамошний лагерь верстах в двадцати от ближайшей деревни...

– Это, в принципе, детали, – махнул рукой Борман. – Попрошу ребят взять за задницу весь «Экзотик» – в три минуты установят, где мы есть...

– Давайте попробуем другой вариант? – мягко предложил Визирь. – Даете трубочку мне. Я звоню господину Гордееву, он сейчас в Шантарске, точно знаю – и наши дела уладят быстро, эффективно, без малейшей огласки... Гарантирую.

– Фрол? – задумчиво сказал Доцент. – А ведь неплохо, господа, ежели Фрол... Им будет грустно.

– Я все же предлагаю... – набычился Борман.

– А огласка? – не без ласковой вкрадчивости спросил Доцент. – Неизбежная? Насчет утраченного удостоверения еще можно что-то придумать – на охоте оставили в кармане, разложили костер до небес, ватник и вспыхнул вместе с красной корочкой... Дело житейское, бывает. А вот в случае с вертолетами, десантом на броне и налетом на «Экзотик-тур» выйдет неприятная огласка. Мне она тоже, откровенно говоря, не нужна. Вы, я думаю, никому не будете обязаны...

– Чтобы Гордеев знал? – огрызнулся генерал.

– Все равно при вашем варианте слишком многие будут знать. Тут уж утечки неизбежны.

– Ладно. Посмотрим, что у вас выйдет, но я за собой оставляю право на звонок.

– Бога ради, – великодушно сказал Визирь. – Давайте без всяких междоусобиц, нам нужно играть командой. В случае...

Он замолчал, повернулся к двери, сделал недвусмысленный жест. Все моментально притихли, застыли в напряженных позах, уставившись на видимый в дверном проеме кусочек веранды.

Шаги приближались – неуверенные, шаркающие, словно двигался пьяный или слепой. Потом, когда они раздались совсем близко, послышались тоненькие звуки – то ли поскуливание, то ли плач.

В лишенном створок проеме появился Столоначальник, прижимая к животу правую руку, толсто замотанную чем-то белым. Тихо постанывая, охая, он стоял, привалившись плечом к косяку, ни на кого не глядя. Сытая физиономия была белее известки. Нелепо дернувшись, нырнув всем телом в сторону, он шагнул вперед, завалился, прежде чем к нему успели броситься и подхватить, растянулся во весь рост на грязном полу.

Только теперь стало видно, что белая повязка в нескольких местах покрыта бурыми пятнами.

Глава шестая

Ответы хуже вопросов

Всеобщее оцепенение длилось недолго – к упавшему сразу же бросились, толкаясь и мешая друг другу, подняли, перетащили на нары. Столоначальник страдальчески охал, не открывая глаз.

– Кто-то там говорил про допрос, который все прояснит? – оскалившись, бросил Синий.

И принялся разматывать белую материю, смахивавшую на небрежно отхваченный кусок дешевой хлопчатобумажной простыни. Столоначальник дергался, отчаянно вскрикивал и охал, но Синий безжалостно отстранял его здоровую руку, ворча сквозь зубы:

– Не вой, не вой, и совсем еще не присохло...

Остальные толпились вокруг, в нетерпении сталкиваясь головами. Столоначальник взвыл – все же кое-где успело присохнуть, – закатил глаза, откинулся на смятые лагерные одеяла. Кажется, окончательно вырубился. Лицо у него было прямо-таки мокрым от пота, на толстой щеке парочка ссадин.

– Твою мать... – выдохнул Синий, бросив повязку на одеяло и брезгливо вытирая ладони о собственные бока.

Вадим задохнулся. Торопливо пощупал ладонью промежность – вдруг показалось, что обмочился. Сухо, слава богу...

Только большой палец остался прежним. Остальные, посиневшие и чудовищно распухшие, вызывали тошноту и тоскливый ужас. Вдобавок на мизинце и безымянном ногти оказались вырваны, пальцы оканчивались вовсе уж жуткими окровавленными вздутиями. Осторожно опустив покалеченную руку на живот постанывавшего с закрытыми глазами Столоначальника – тот никак не отреагировал, грудь вздымалась, как кузнечные мехи, тело то и дело сотрясалося крупной дрожью, – Синий протянул:

– Ну, братва, я такого и на допросах с пристрастием не видал, менты до такого не дока-
тывались...

– Попрошу не клеветать... – по инерции взвился Борман и тут же голос оборвался откровенно жалким писком.

– Слушайте... – сказал Вадим, стыдась дрожащего голоса. – Это уже ни в какие ворота... Все-таки губернский чиновник, не с самых верхов, но и не пешка... Есть же границы...

– М-да, – сказал Синий. – Удивительно точно подмечено... Я, вообще-то, самого поганого мнения о человечестве, надо вам признаться. И все же... Даже если примем версию о кутящем миллионере, напроць свихнувшемся, – получаются нескладушки. Такие забавы самый законченный шизофреник на публику не выносит. Есть же у него подручные, шестерки с нормальными мозгами... У вашего шизанутого миллионщика... А здесь – три десятка свидетелей, если считать по всем баракам. И свидетели сплошь богатенькие и респектабельные. Должен же кто-то такие вещи понимать и учитывать.

– Ты куда гнешь? – одними губами прошелестел Борман.

– А ты не понял, генерал? – усмехнулся Синий. – Нет, серьезно? Гну я туда, что на свидетелей, их количество и респектабельность кому-то абсолютно наплевать. Насрать. Начихать. Последнее умозаключение, вытекающее из этой гениальной теоремы, тебе по буквам разжевать или сам поймешь?

– Но не может же быть *в таком* масштабе...

– А кто сказал, что не может? Это вы в Жмеринке были фигура, Моисей Маркович, а в Одессе вы дерьмо...

– Да какая Одесса? – заорал Борман, видимо, уже совершенно не владея собой. – Какая Одесса?

– Одесская Одесса, – отмахнулся Синий. – Не скули, генерал, тоску наводишь. Что бы приспособить...

Он огляделся, поднял с одеяла протасченный сюда Братком тамагочи, кинул на пол и старательно раздавил подошвой грубого ботинка. Выбрал подходящий кусочек пластмассы, со второй спички (пальцы у него тоже заметно подрагивали) зажег и аккуратненько принялся пускать вонючий дым в ноздрю Столоначальнику. Никто его не попрекнул ни словом – все остальные стояли, как замороженные, Вадим заметил, что физиономия стоявшего рядом Визиря кривится так, словно он пытается мимикой помочь бедолаге скорее очнуться.

Столоначальник отчаянно зачихал, поднял голову.

– Посадите его, – распорядился Синий. – Живо!

Запрыгнув с ногами на нары, Борман с Доцентом принялись усаживать покалеченного, подсунув ему под спину одеяло. Тем временем Синий разорвал окровавленную тряпку, превратив в некое подобие бинтов, стал перевязывать руку. Столоначальник охал и закатывал глаза, но обмирать вроде бы больше не собирался. Синий, торопливо раскуривши сигарету, сунул ему в рот, присел рядом:

– Ну, оклемался малость? Покури, покури, способствует...

По щекам Столоначальника текли слезы, он курил отчаянными затяжками, пачкая сигарету слюной.

– Ну что ж ты мусолишь, – почти ласково сказал Синий. – Погоди, дай сюда, я тебе конец оторву... Или нет, держи лучше новую, аккуратненько, вот так... Кто допрашивал, комендант?

Столоначальник кивнул, морщась и тихонько похныкивая.

– Ну тихо, тихо, что ты за мужик такой... Все уже, все... Кругом свои... Что, сам комендант старался?

– Нет, те двое... Новые...

– А что хотели? Ну? Давай, рассказывай, скоро мы все отсюда сбежим, жизнь восстановится...

– Правда?

– Сукой буду, – сказал Синий. – Так что они хотели?

– Допытывались, где деньги.

– Домашняя заначка или как?

Столоначальник слабо помотал головой:

– Пятьдесят тысяч долларов... Наличкой... В «дипломате»...

– А они у тебя были? – ласково спросил Синий.

– Ага. У Леры дома, на нее никто не мог подумать... – Он дернулся, обвел всех безумным взглядом: – Должен был заложить кто-то осведомленный...

– А денежки откуда?

– Торги по «Шантарскому кладезю»...

– Это еще что? – оглянулся на остальных Синий.

– Ах, вот оно что, – сказал Вадим. – Вот, значит, кто хапнул портфельчик с зелеными...

А многие думали на Горкина...

– Горкину хватило два процента, невелика птица... – тихонько прохныкал Столоначальник.

– Тендер по золотодобыче, – пояснил Синему Вадим с большим знанием дела. – Каралинский прииск, богатая яма... Когда в мае было решено...

– Да ладно, я понял, – отмахнулся Синий. – Ничего сложного. Они ему «дипломатик», а он им содействие, что тут непонятного? И что, голуба, сказал, где зеленые?

Столоначальник кивнул, слезы потекли пуще. Он выпустил из губ сигарету, стал растирать грудь здоровой рукой, словно бы извиняясь, прокряхтел:

– Сердце... Совсем проваливается... Пришлось сказать... Бог ты мой, они же и Леру... Только откуда он узнал?

– «Дипломаты» с зелеными – вещь чреватая и приметная... – сказал Синий. – Что они тебе обещали, если отдашь?

– Что больше мучить не будут... Валидолу... дайте... у меня аритмия...

– Есть у кого-нибудь валидол? Нету, брат, извиняй... Ты полежи вот так, только больше не кури, раз сердце... – Синий одним прыжком соскочил с нар: – Орлы, давайте звонить в темпе, мне такие дела категорически не нравятся... Где телефон прячешь? Где, говорю, телефон?

– Слева, под коробками... Скорую...

– Будет и скорая, все будет... Пошли!

Синий первым выскочил на веранду, быстро распорядился:

– Генерал, стой на стреме. Приемы знаешь?

– Да так, немного...

– Появится капо, вырубай и зови меня, я с ним поговорю... Где коробки-то, он про которые?

– Эти, наверно...

– Разбрасывай...

В несколько рук расшвыряли штабель картонных коробок из-под болгарских консервированных огурцов. С радостным воплем Синий схватил телефон, зачем-то смахнув несуществующую пыль ладонью, передал Визiry:

– Ну давай, Элизбарчик, родной, поспеши...

Визирь нажал кнопку и горестно, громко цокнул языком.

– Что?

– Двойка. Батарейки сдыхают...

– Жми кнопки, не стой!

Визирь отчаянно заколотил по кнопкам указательным пальцем. Поднес трубку к уху:

– Алло! Алло! Кто-нибудь слышит? Алло, алло! Алло! Это Семен Степанович? Алло!

Слышит меня кто-нибудь?

Он тряс трубку, вновь прикладывал к уху, кричал, умолкал, прислушивался. Перевернул телефон, поддел ногтем крышечку, лихорадочно вытаскивал батарейки, поставил их в другом порядке, закричал:

– Алло! Алло! Слышит меня кто-нибудь? Алло!

Вадим вдруг вспомнил, кинулся в другой угол, пинком повалил испачканную известкой флягу. Схватил с пола свой фонарик, принялся откручивать колпачок. Гладкий колпачок скользил в потной ладони. Синий, сообразивший все на лету, вырвал у него фонарик, захватил колпачок полкой полосатого бушлата, вмиг открутил. Вытряс батарейки – и безнадежно опустил руку, длинно выругался.

Вадим понял. Это были не те батарейки. Гораздо длиннее требуемых. Нечего и пытаться...

– Алло, алло! – все еще надрывался Визирь. – Алло, слышит кто? Ответьте, алло!

– Хана, – сказал Синий с мертвым лицом. – И телефону хана, и вообще... Не дровичь, бесполезно...

Однако Визирь не хотел сдаваться – тряс трубку, снова и снова менял батарейки, кричал... Прошло довольно много времени, прежде чем он утомился, но, напряженно уставившись на телефон, пытался, такое впечатление, придумать какой-то магический фокус, вмиг наладивший бы связь. Бросил он это занятие, лишь услышав крик Бормана:

– Мужики!

Они кинулись в барак – Визирь так и бежал с зажатой в ладони трубкой, Вадим – с фонариком.

– Вот... – показал Борман. – По-моему, кранты...

Столоначальник замер, нелепо уронив голову на плечо, таращась неподвижным взглядом в стену. Слева на подбородке прилипла раздавленная сигарета.

Синий подошел первым, пощупал пульс:

– Точно. И сердце не бьется...

Доцент, охнув, бросился к выходу.

– Куда? – заорал Синий. – Держите идиота, шлепнут!

Но они уже неслись следом. Спрыгнув с крыльца и едва не растянувшись, Доцент побежал прямо к воротам, крича:

– Позовите врача! Человек умирает!

Примерно в метре перед ним взлетели фонтанчики земли – одновременно с коротким перестуком автомата. Он шарахнулся, остановился, закричал, махая рукой:

– Врача позовите!

Вторая очередь, подлиннее, взрыхлила землю гораздо ближе к нему. Он вновь открыл рот, но Синий налетел, ухватил его за ворот и бегом поволок к бараку, крича:

– Что, не понимаешь? Какие врачи?

– По пещерам, скоты! – рявкнул с вышки мегафон. – Врач только для рожениц, рожать будете, тогда и зовите! А по пустякам не беспокоить!

И третья очередь, совсем короткая, окончательно устранила все недомолвки. Доцент вдруг нелепо, высоко подпрыгнул на месте, припал на ногу. Синий безжалостно волок его бегом, не обращая внимания на крик.

Они влетели на веранду так, словно за ними гнались.

– Дай-ка гляну, – сказал Синий. – Ерунда, академик, только кожу сорвало, покровянит чуток и засохнет. Но лупил он, пидер, на поражение, повезло тебе... Стой спокойно, я тебе на царапину поссу. Стой, говорю, помогает, зеленки-то нету...

Ногу замотали оторванной от казенной простыни полоской. Царапина и в самом деле оказалась пустяковой – Доцент особо не дергался, едва Синий затянул узел, жадно выхватил из протянутой Вадимом пачки сигарету, затянулся и спросил:

– Иллюзии у кого-нибудь остались?

Вместо ответа – общее молчание.

– Что-то не вижу я... иллюзионистов, – констатировал Синий. – Или как их там еще обозвать...

– Но это же фантазмагория чистейшая... – прямо-таки заорал Борман. – Быть такого не может!

– *Не должно*, – поправил Синий. – Сечешь разницу, генерал? Если не должно, это еще не означает, что не может. У нас, по-моему, все может быть... Вот уж не ведал, что в вашей ментовке прекрасные душой идеалисты водятся. Не может ему быть, видите ли...

– Думаете, это только первая ласточка? – дрогнувшим голосом спросил Доцент.

– А вы не думаете? – осклабился Синий. – Ну-ка, ребяташки, в темпе брейка напрягите мозги и припомните, у кого найдется, что взять.

– Ох, найдется... – вздохнул Визирь.

– Послушайте! – взвился Красавчик. – У меня же и нет ничего! Сплошные пустяки! – глаза у него лихорадочно горели. – Как вы думаете, если я им объясню...

– Дурак, – беззлобно сказал Синий. – И они тебя моментом отпустят с цветами и оркестром, чтобы ты в Шантарске пошел и рассказал про ихние забавы? – Он показал большим пальцем за спину, где в прежней позе сидел мертвый Столоначальник, к которому ста-

рались не поворачиваться: – Может, еще и приз зрительских симпатий напоследок выдадут? Нет, ребятки, давайте для ясности сразу предполагать, что живым отсюда никто не выйдет...

– Ну, а если отдадим? – не унялся Красавчик.

– Сам же говоришь, отдавать нечего.

– Я вообще, теоретически, если все отдадут всё, что от них потребуют... Можно же им пообещать, что будем молчать...

Синий громко сплюнул на пол:

– Это ты за соломинку хватаешься от сильного перепугу... иллюзионист. Что же у нас получается?

– Что Вадик попал пальцем в небо, – сказал Эмиль. – Никакого переворота нет. Нам, правда, от этого не лучше. Взяли на банальный беспредел.

– Но такие фокусы проходят только раз, – сказал Визирь. – Их рано или поздно найдут, и мало им не покажется...

– Во-первых, нам от этого пользы не будет никакой, – криво усмехнулся Доцент. – А во-вторых, могут и не найти.

– Точно, – кивнул Синий. – Самого главного, допускаю, тут вообще нет. Приедет напоследок, от щедрот напоит персонал коньячком с ударной дозой клофелина – и слиняет к теплему морю. А жмуриков ни о чем не расспросишь. *Единожды* такой фокус как раз проскакивает, будто хрен навазелиненный...

– Может, комендант? – предположил генерал.

– Сомневаюсь, – сказал Доцент. – Во что бы я поверил в самую последнюю очередь, так это в тайное общество обнищавших интеллигентов. Интеллигент наш, временем проверено, полнейший трепач и бездельник...

– А вы, простите, себя к ним не относите? – подпустил шпильку Борман.

– Не отношу, – отрезал Доцент. – И ученая степень тут ни при чем. Я не интеллигент, у меня профессия есть...

– Бездельники? – с сомнением покачал головой Борман. – Ну, не знаю... Дело Раскатникова, часом, не помните?

– Раскатников действовал один... ну, не один, с какой-то шлюхой, но все равно... Я имею в виду, интеллигенты никак не способны объединиться в серьезную банду и устроить вот *такое*. Кто-то за комендантом стоит – хотя комендант, охотно допускаю, может искренне верить, что он тут и есть пружина всего дела. Именно так с ними и случается последнюю сотню лет, используют в качестве презерватива, особенно в том, что касалось перестройки... Честно вам говорю, мне от того, что комендантом оказался Мерзенбург, еще тяжелее на душе. С любым другим всегда остается зыбконький шанс как-то договориться, а вот интеллигент – тупой фанатик, нацеленный в глубине души на уничтожение оппонента, он идти на компромисс попросту не способен...

– А эти жлобы – тоже интеллигенты? – хмыкнул Вадим.

– Жлобы – дело десятое... Типа той овчарки, что они с собой приволокли. А психика Мерзенбурга немного посложнее и, скажу не хвастаясь, мне, в общем, понятна. Но от этого не легче. Повторяю, наоборот... Хотя бы потому, что он, в отличие от присутствующих здесь, не осознает в полной мере, в какую игру ввязался и как за такие игры отвечают... Да и вряд ли понимает, что его, ручаться можно, отправят вслед за...

– Вы не пугайте, не пугайте! – дрожащим голосом вмешался Красавчик. – Ничего еще не ясно, может, одним и ограничится...

– Ага, – сказал Синий. – А там тебе покажется, будто тебя одного помилуют, потому что ты тоже каким-то боком к интеллигенции относишься... Настраивайся на поганое. Тогда голова лучше заработает, будешь думать, как шкуру спасать. Тот, кто *надеется*, как раз и подыхает – повидал-с... Не верь, не бойся, не проси. Слышал такое правило?

– Но не хотите же вы сказать, будто они намерены поголовно всех... – протянул Борман.

– Кончай, – поморщился Синий. – Тоже за соломинку цепляешься, но тебе-то вовсе непростительно, превосходительство. Забыл, как твои авторитетные корочки горели?

Борман сварливо поджал губы, подумал и чутьчку окрепшим голосом предложил:

– Ладно, давайте попытаемся проанализировать... Наши шансы, их шансы...

– Самое печальное, что все шансы у них, – сказал Доцент. – Боюсь, никто в большом мире ничего и не заподозрит. Нет никаких оснований. Уверен, никому не пришло в голову оставить дома распоряжение в классическом стиле: «Если не вернусь к семи вечера, бегите в салун Кривого Джо...» Верно? Ну кому бы пришло в голову предохраняться, господа новые русские? Все ехали в фешенебельный санаторий на просторах родной губернии, где все схвачено, за все заплачено...

– А старая смена? Охранники? Те, что уехали?

– Им-то отчего тревожиться? Наверняка придумали какое-то безобидное объяснение, премию дали непредвиденную...

Вадим сидел, как на иголках. В первый момент так и подмывало с гордым видом самого умного и толкового выступить в роли спасителя, рассказать про подземный ход. Можно себе представить эффект... Но, поразмыслив, он решил не спешить. Сам толком не знал, почему, однако какие-то смутные, еще не оформившиеся идеи брезжили... Лучше пока помолчать.

В самом деле, оттого, что рассыпалась прахом скороспелая версия о перевороте, легче не стало. Отнюдь. Можно говорить с большим знанием предмета: самое страшное, что подстерегает в наши безумные времена нового русского, – это как раз те самые беспредельщики и отморозки. Устоявшихся правил игры они и не думают соблюдать, авторитетов не признают, *понятий* не уважают, хотят получить все и сразу. Всегда найдется масса народу, опоздавшего к дележке – и по младости лет, и по неспособности раздобыть ложку. И начинается черный передел, которого никто, в общем, не предвидел. Да что там далеко ходить, можно вспомнить, что в прошлом году приключилось со всемогущим Лобаном, которого побаивались многие серьезные люди, сами отнюдь не ангелы. Вошел Лобан к себе в подъезд – а там тинейджеры распивают пиво, стены пачкают, шумят вовсе уж непотребно. Сделал им грозный Лобан предупреждение и ушел домой. А наутро оказалось, что у его «лексуса» порезаны все четыре покрышки – «лексус» всю жизнь стоял прямо у подъезда, даже без сигнализации, всякий понимающий человек знал, чья это тачка, что будет с угонщиком или вандалом. Разумеется, по микрорайону рассыпалось с полсотни Лобановых мальчигов, только никаких концов они не нашли: Лобан никого из молокососов не помнил в лицо, не озаботился запомнить. Так дело и заглохло – оказалось, и сам Лобан, и его система перед беспределом бес-сильны, *такого* не предвидели и реагировать на подобное вовсе не готовились. Пришлось Лобану покупать новые покрышки, машину без присмотра больше не оставляет...

– Сдается мне, работать они собираются в хорошем темпе, – сказал Доцент. – Так мне представляется. Самый для них выгодный вариант... У вас, помнится, был какой-то план?

– Наметки, – настороженно поправил Синий. – Есть идея, но ее еще нужно проработать. И первым делом нужно точно выяснить, намерены ли они дать нам водички, – он кивнул на бак, перевернутый во время утренней побудки. – Это – в первую очередь...

– А зачем вода?

– Кораблики пускать, Элизбарчик... Генерал, сознайся честно: тоже, поди, есть заначка? Да ты не надуйся с видом гордым и нестигаемым, вполне может оказаться, что заначки у тебя и нет, но положения твоего это не облегчает – могут и постараться ради какой-нибудь полезной информации. Иных заначек стоит...

– Это-то и скверно, – отчего-то не рассердившись, ответил генерал.

– Понимаю, – кивнул Синий. – Чем круче и серьезней креслице, тем хуже человек переносит запихивание яиц в мясорубку. Все эти Тухачевские и Блюхеры ломались, как крекер, с радостным визгом на корешей наговаривали...

– Вот только ты нестигаемого из себя не строй, – набычился Борман. – Рассказать, на чем тебя можно подламливать?

– Сам знаю. Бог ты мой, я ведь нестигаемого и не строю, просто радуюсь пикантной ситуации: впервые в жизни с ментом в генеральских погонах будем проходить по одному делу, по одной прессовке... Ах, как пикантно...

– Я вам одно скажу, – мрачно заявил кавказский человек Элизбар. – Если все равно конец, выдашь заначку или не выдашь, проще уж с порога кому-то вцепиться зубами в горло и грызть, пока тебя не шлепнут.

– Это тоже с умом надо делать, – серьезно сказал Синий. – Так, чтобы шлепнули *непрерывно*. А если...

Он замолчал. На веранде послышались энергичные шаги, и через пару секунд появился Василюк. Вставши в дверях в раскованной позе, похлопал себя дубинкой по ладони и громко осведомился:

– Господа новые русские изволят нервничать?

– Мертвого уберите, – сказал Доцент, не глядя на него.

– Кого? – театрально изумился Василюк. – Ах, утопый труп мертвого человека... Он вам что, мешает? Такой тихий, такой безобидный... неужели боитесь? Неужели вы суеверны? – Он подошел вплотную и упер Доценту конец дубинки в лоб: – Вы меня, признаться, удручаете. Единственный здесь интеллигентный человек, вам бы в свое время держаться подальше от этого новорусского быдла...

– Разрешите уточнить, герр капо? – спросил Доцент, не поднимая головы и сидя в прежней позе. – Для меня, простите, «интеллигент» столь же бранное слово, как «педераст». Если это недостаток, он у меня общий с некими Львом Гумилевым и Афанасием Фетом. В такой компании не стыдно находиться, поскольку...

Дубинка с чмокающим звуком вцепилась ему в лоб. Доцент инстинктивно зажмурился, и, видно было, преогромным усилием воли заставил себя гордо выпрямиться, уставился в обшарпанную стену так, будто никакого капо тут и не было.

– Идеино подписываюсь под предыдущим заявлением, – сообщил Синий в пространство.

Василюк сдержался столь же немаленьким усилием воли, улыбнулся насколько мог беззаботнее:

– А поднимайтесь-ка, господа хорошие. Прогуляемся до карцера, там как раз говнецо надлежит ручками в дыры сбросить. Потрудитесь до вечера, а там и на допрос прогуляетесь.

– Цем бефель, герр капо, – рявкнул Синий оглушительно, вытянувшись со сноровкой старого прусского гвардейца.

Заложил руки за спину и первым шагнул к двери. Вадим краем глаза подметил, как побелели костяшки пальцев, стиснувшие дубинку, – Василюк не мог не сообразить, что остался в полном проигрыше...

...Они маршировали, поневоле сбиваясь с шага – в животе громко бурчало, голод прямо-таки скручивал кишки, соленые струйки пота затекали в глаза, и нельзя было их смахнуть, иначе тут же получишь дубинкой поперек хребта. Четверо уже отправились в карцер прямо с апельплаца, в том числе две женщины – в этом отношении царило то самое равенство полов, которого с идиотским упорством добивались американские феминистки.

Вадим шагал, как автомат, уже потеряв счет жгучим ударам дубинкой. Никаких чувств и эмоций, собственно, и не осталось – успели выбить. Нику он не видел, она оказалась где-то в задних рядах – для маршировки всех построили в колонну по три, не разбивая по баракам.

Чтобы было легче, он ритмично повторял про себя в такт шагам: надо бежать, надо бежать, надо бежать...

Погода была прекрасная, светило солнце, но окружавшая лагерь тайга словно бы выпадала из поля зрения – казалось, весь мир съежился до апельшылаца и ударов дубинок, вылетавших будто из ниоткуда. Над всем этим мощно надрывались динамики, извергавшие нежный девичий голосок:

О, как мне кажется, могли вы
рукою, полною перстней,
и кудри дев ласкать, и гривы
своих коней, своих коней...

Так и продолжалось – песни на классические стихи сменялись симфонической музыкой, потом снова песни и снова музыка. Герр комендант, восседавший на трибунке в плетеном кресле, – время от времени Вадим видел и его, и Маргариту, расположившуюся в таком же кресле, – то и дело пригубивал кока-колу из высокого бокала, лицо у него было умиротворенное, покойное...

Ближе к вечеру, когда все это, наконец, кончилось, вновь разбили на бригады и погнали к воротам, где каждый получил миску жидкой баланды, а вот ложек не получил никто, и поневоле пришлось хлебать через край, обливаясь с непривычки. Тетка Эльза, злорадно наслаждавшаяся зрелищем, объявила, что на сегодня все, никаких разносолов более не полагается, а посему быдло может распозаться по стойлам.

Поскольку плетью обуха не перешибешь, пришлось последовать совету – тем более, что с двух сторон старательно подгоняли дубинками Василюк и давешний охранник. Навстречу им двое других эсэсовцев протащили за ноги безжизненное тело бедолаги Столона начальника, первым открывшего счет. Вадим, откровенно признаться, не ощутил ровным счетом никаких эмоций, был вымотан до предела. Более того, у него осталось впечатление, что и собраты по несчастью отнеслись к печальному зрелищу со столь же тупым равнодушием. Мыслей у него хватило ровно настолько, чтобы подумать: «Привыкнуть – штука, должно быть, довольно страшненькая».

– Цистерну видели? – спросил Визирь, когда они обессиленно повалились прямо на веранде и вытащили сигареты (хоть табачок, слава богу, никто пока не отобрал).

– Какую?

– На сто тридцатом? Подъехала к самым воротам, когда его туда волокли. Я видел... – Он тяжело встал и высунулся с веранды. – Точно. Его туда пихают, в цистерну. Если там какая-то кислота или каустик, следа не останется. Как от сахара в чае.

– Заткнись, не рви душу... – прошипел Браток.

– Нет, я с порога в горло вцеплюсь...

– Ну и вцепишься, а пока захлопнись! Без тебя тошно!

Отбой, как и в «мирные» времена, обозначался всем знакомой музыкальной заставкой из телепередачи «Спокойной ночи, малыши!» – и это усугубляло смертную тоску. Ни Синий, ни Доцент после отбоя в бараке так и не появились.

Чтобы не подвергаться лишнему унижению, они посовещались и решили отныне справлять нужду в чулане.

Глава седьмая

Много нового и ничего веселого

Они уже расположились спать, когда по разошедшемуся полу веранды затопотали невероятно тяжелые шаги, словно там брел кто-то, напоминавший габаритами бегемота. Правда, очень скоро обнаружилось, что это прибыли насквозь знакомые личности, не имевшие никакого отношения к тюремщикам и гонителям: Синий, пыхтя от нешуточной натуги, волок на закорках Доцента. Остановился в дверном проеме, жадно и быстро заглатывая ртом воздух, профыркал:

– Помогите, мочи больше нет...

К ним бросились, мешая друг другу, подхватили Доцента – тот громко ахал при резких движениях, – кое-как дотащили до нар и осторожно положили. Правая штанина у него была обрезана ниже колена, голень перевязана – старательно и качественно, толсто намотан чистейший бинт, из-под которого почти не просочилась кровь. Однако пятно размером с серебряный доллар все же наличествовало.

Отдуваясь, Синий присел на нары, вытащил сигаретку:

– Небитый битого везет... Тяжелый до чего, а еще доцент...

Доцент лежал, закрыв глаза, постанывая, лицо лоснилось от крупных капель пота.

– Что там? – спросил кто-то, Вадим даже не узнал голоса.

– Бурная жизнь, – бросил Синий, ни на кого не глядя, глубоко затягиваясь. – Наш интеллектуал решил сорваться в побег. Как и следовало ожидать, получилось бездарно, только пулю в ногу схлопотал. Ломанулся, как чумной...

– Нервы не выдержали, – сказал Доцент с закрытыми глазами, совершенно бесцветным голосом. – Глупо получилось, да вот... Не рассуждал. Двинул в ухо ближайшему и пошел напролом...

– Что они хотели? – напористо спросил Борман. – Вас допрашивали?

– Что хотели... Коллекцию. – Он открыл глаза. – Всю. Все, что есть. У меня неплохая коллекция, и не только фарфор – картины, есть даже Врубель и Башкирцева, два этюда Сурикова... – Он криво усмехнулся: – Вот на этом и сломался, генерал, – на возможности приобрести то, что нынешнему интеллигенту недоступно. А очень хотелось. Потому и пошел... в консультанты. Вы на меня так не зыркайте, я наркотиками не торговал и первоклассниц в проститутки не заманивал...

– Все равно, – недовольно заключил Борман. – Знаю я все эти консультации, по струнке ходите...

– Да помолчи ты, моралист, – огрызнулся Синий. – Без тебя тошно. Ты как, все сдал?

– Нет, – прошептал Доцент. – То ли не обо всем они знают, то ли решили поиграть, как кошка с мышкой, – потому, наверно, и перевязали как следует...

– Вот только тащить не захотели, – хмыкнул Синий. – У меня от тебя чуть пупок не развязался...

– Вас тоже допрашивали? – поинтересовался Эмиль.

– Ага, – сказал Синий, ухмыляясь одним ртом. – Любопытствуешь знать, отчего я в таком случае целый-невредимый? Отвечаю как на духу: потому, что не ломался. Сдал захоронку. Конечно, не сказал, что сдал всё. Допрашивать они, козлы, толком не умеют, до этих, – он кивнул на Бормана, – ох как далеко. Очень непрофессионально работают ребята, поверьте знатоку. Не умеют вгрызаться. Вот я и создал нужное впечатление: что у меня, если хорошенько поискать и попытаться, еще немало можно выгрести. Они довольны, а мне нужна передышка. И еще мне нужно, чтобы не повредили ни один суставчик, здоровье – прежде

всего. Много понадобится здоровья, когда начну им кишки на плетень наматывать, со всем старанием и фантазией...

– Что-то вы, хороший мой, как раз и забрели в дебри фантазии, – громко фыркнул Борман. – Только и слышу про беспроектный план побега да про отмщение... Интересно, на чем такая уверенность основана? Мастера вы сказки складывать...

– Не подначивай, мент, не подначивай, – с кривой ухмылочкой отозвался Синий. – Подначка больно уж детская получается. Когда надо будет, изложу и план.

– Вы мне вот что растолкуйте! – вдруг взвился Браток, даже спрыгнул с низких нар. – Почему это всех с допроса волокут поуродованными, что толстяка, что этого, а этот вот, – он резко выкинул руку, тыча пальцем в Синего, – даже не поцарапанный?

– Ты на что намекаешь, придурок? – тихо, недобро осведомился Синий. – Смотри, за базар и ответить можно...

– Отвечу! Точно вам говорю, подозрительно! Лепит нам тут сказочки насчет побега, а сам раскололся, да еще целую философию под это дело подвел – у него, мол, задумки самые наполеоновские... Может, это и есть казачок засланный? Стучит себе помаленьку, уговаривает захоронки сдавать...

Э-эп! Подошва грубого ботинка впечаталась ему в физиономию, он устоял на ногах, но отлетел шага на три, поскольку не ожидал удара.

Синий мигом слетел с нар, отпрыгнул назад и, оскалась, неуловимым движением выхватил нож. Рукав грубого лагерного бушлата задрался, открылась мастерская татуировка меж локтем и запястьем: скелет в длинном балахоне, стоящий в позе статуи Свободы, в одной руке у него коса, другой воздел над голым черепом окруженную сиянием денежку с крупной цифрой «1». Его полукругом окаймляла каллиграфическая надпись, являвшая собою пресловутую смесь французского с нижегородским: VITA EST КОРЕЖКА.

Браток шипел и фыркал, как разъяренный котик, но особо не рвался в бой, должно быть, справедливо предполагая для себя крупные неприятности. Синий, поводя вправо-влево ножом, скорее уж напоминавшим шило, презрительно бросил:

– Порву, как целку, щенок... Смотри за базаром...

– Хватит вам! – вклинился Визирь. – Если начнем собачиться меж собой, станет совсем хорошо, приятно и весело... Ты, молодой, извинись и сядь. И привыкай сначала думать, а потом нести ерунду. Ведь чушь полнейшая, – он обернулся к Синему. – Я так считаю не оттого, что вы мне лично симпатичны, а согласно строгой логике. Будь вы подсадной уткой, непременно стали бы вбивать нам идею, будто *совсем* плохо станет только тем, кто станет запирается и скрытничать. А тому, кто сдаст все добровольно, последуют ошеломительные привилегии вплоть до полного освобождения. Что-то в этом роде стала бы нам внушать насадка. Меж тем наш битый жизнью друг пытается доказать как раз обратное: всем присутствующим все равно конец, выдадут они свои сокровища или же нет. Это-то меня и убеждает.

– Меня тоже, признаться, – хмуро поддержал Борман. – Хватит вам. Остыл, чадушко?

– А я что? Я-то ничего... – Браток попытался примирительно улыбнуться, но получилось плохо. – Просто нервишки до предела натянуты... Гадом буду, не хотел...

– Ладно, замяли, – сказал Синий, тем же неуловимым движением спрятав нож куда-то в недра бушлата. – Исключительно оттого, что колючка здесь не та, не совсем настоящая. За настоящей ты б у меня ответил по полной программе, духарик... Только смотри, это был последний раз...

– Нет, а в самом деле, – протянул Браток. – Что ты, в натуре, талдычишь про побег, а подробно не расскажешь? Сил моих больше нет на этих нарах чалиться...

– В свое время, – без улыбки пообещал Синий. – Распишу диспозицию, будь уверен.

– Думаешь, все же есть насадка? – негромко спросил Борман.

– Не похоже, – решительно сказал Синий. – Никак не похоже, я давно присматриваюсь, приноживаюсь, прикидываю хрен к носу. И каждый раз получается, что насадки среди нас быть вроде бы не должно. Однако ж береженого Бог бережет, детка. Есть тузы, которые надо выкидывать в самый последний момент, и чтобы непременно из рукава... А вообще, давайте спать? К чему нам эти посиделки?

– Фаза! – вдруг вскрикнул Борман с таким видом, словно его прямо здесь, в грязном неподметенном бараке посетило что-то вроде божественного откровения. – Ну конечно, фаза...

– Догадался-таки, женераль? – хмыкнул Синий.

– Но ведь это – бабушка надвое сказала...

– А что делать?

– Делать и в самом деле нечего...

– То-то, – сказал Синий. – Выбора никакого... – Повернулся к Доценту. – Знобит?

– Знобит, – сказал тот. Его явственно трясло. – Даже странно – не болит почти, только холодно невероятно...

– Бывает. Эй! Мерсюк в золотой оправе! Кинь-ка одеяльце. Ты и так лось здоровый, а человеку знобко...

Браток, к некоторому удивлению Вадима, уступил свое одеяло без малейшего ворчания – видимо, решил завязать с игрой в оппозицию. Не удовольствовавшись этим, Синий бесцеремонно сдернул одеяло с уже устроившегося на ночлег Красавчика, укутал Доцента, прошел к двери и погасил свет.

Вскоре настала тишина, нарушавшаяся лишь негромким похрапываньем Визиря. Вадим добросовестно пытался уснуть, но никак не получалось, балансировал меж явью и забытием, на той неуловимой черте, где размываются ощущения, размывается действительность, перестаешь понимать, в каком ты мире и на каком свете. Как он ни сопротивлялся внутренне, сознание уже работало словно бы само по себе, отматывая ленту назад. Говорят, так случается с тонущими, с теми, кто сорвался со скалы. Фраза, ставшая банальной: «Перед ним в считанные секунды промелькнула вся его жизнь».

Насчет всей жизни – явное преувеличение. Перед глазами – или, говоря тем же высоким стилем, перед внутренним взором – прокручивалась не столь уж оригинальная история под нехитрым заголовком: «Как становятся преуспевающими бизнесменами». Обыкновенная биография в необыкновенное время, как говаривал красный параноик Аркадий Гайдар, лютовавший некогда в Шантарской губернии – правда, говаривал он это по другому поводу, но все равно, для заголовка ненаписанных мемуаров достигшего возраста Иисуса Христа удачливого бизнесмена весьма даже неплохо. Или для подзаголовка, скорее.

...Те, кто сейчас с оттенком презрительности (проистекающей, главным образом, из зависти) именовали его «генеральским отпрыском» – благодаря чему, мол, и вскарабкался на сияющие вершины – были не вполне правы. В первую очередь оттого, что «генеральским сыном» он стал далеко не сразу. На свет появился капитанским сыном, в первый класс пошел сыном майорским – а это, согласитесь, отнюдь не элита, тем более во глубине сибирских руд. Класе в четвертом он наконец понял и осознал, что родитель не просто служивый, а особист – но сибирский особист-майор середины семидесятых на элиту опять-таки не тянул. Жили получше, чем иные прочие, и только, и всего-то. Район был не пролетарский, у каждого имелась своя комната, в гараже наличествовала «копейка», еда с одеждой на пару порядков получше среднего уровня – вот, пожалуй, и все.

А в остальном – типичнейший совок. Настолько совковый, что папенька категорически отказался уступить уговорам маменьки и отмазать единственное чадушко от службы в рядах непобедимой и легендарной Советской Армии. Правда, не стал и доводить до абсурда – то есть отправлять сыночка в плавание по армейскому морю без руля и без ветрил, отдавать

на волю военкомата. Действительную службу Вадим отпахал, как и положено, строевым солдатом. Вот только воинская часть была не вполне обычная.

По всей необъятной Шантарской губернии вокруг ГЭС и пахавших главным образом на оборонку заводов-гигантов издавна располагались батареи зенитных ракет. А небольшая воинская часть, командовавшая всей этой грозной силой, располагалась как раз в Шантарске, не на самой окраинной улице. И, кроме офицеров, там полагалось иметь энное количество нижних чинов. Легко догадаться, что все без исключения нижние чины как раз и были *сыночками*.

А посему особенных страстей-мордастей там не наблюдалось – ни оголтелой дедовщины, ни «урюков», что по-русски ни в зуб ногой, ни заезжавших в зубы полупьяных прапорщиков. Все чинно, пристойно, образцово. Маленький эдемчик, если честно. «Суровая армейская школа», на которой настоял родитель, обернулась не столь уж тягостным предприятием. Через два года Вадим вышел за ворота бравым сержантом с полным набором значков, дополненным медалькой – и поступил в Шантарский университет без всяких усилий. Маман, правда, слегка подсуежилась, но опять-таки горы сворачивать не пришлось.

А год, между прочим, был примечательный – восемьдесят пятый. Генсек с багровой нашлепкой на лысине уже начинал понемногу выдавать в эфир такое, отчего у классиков марксизма-ленинизма на парадных портретах волосы явственно вставали дыбом...

Правда, Вадим ухитрился как-то не заметить исторического поворота – некогда было. Открыл для себя увлекательнейшее занятие – книжный бизнес. Ах, какой это был увлекательный и доходный, прямо-таки инопланетный, теневой мир: неизвестный непосвященным спрут, охвативший всю страну, галактика «пяточков» и «толкучек», где имелось все, чего пожелает душа...

В магазинах не было ничего – разве что на тех полках, что были отведены под «макулатуру» и придуманный каким-то гениальным шизофреником «книгообмен». Зато у «спецов» было все. Вполне возможно, что хваленые агентурные сети КГБ и ЦРУ даже уступали в размахе этой опутавшей весь Союз нерушимый паутине, где в причудливом симбиозе трудились удачливые спекулянты, сами в жизни не открывшие ни единой книжки, оборотистые директрисы книжных магазинов, перешедшие на отхожий промысел интеллигенты, начинающие литераторы, начитанные студенты и прочий народец самых неожиданных профессий. Тиражи покидали типографии, но до прилавков так и не доходили, попадая к покупателю по ценам, ничего общего не имевшим с государственными.

Впрочем, неверно было бы считать тружеников книжного рынка примитивными перекупщиками, был еще и самиздат. Не имевший ничего общего с диссидентским, но превосходивший его по масштабам раз во сто...

Мало кто знает до сих пор, что некогда в СССР оперативнейше переводилось и самоlessly издавалось все мало-мальски заметное, что только было сотворено мэтрами зарубежной фантастики и детектива. Переводы, правда, были топорнейшие, «книги» отпечатаны на пишущих машинках под копирку – но снабжены твердыми переплетами, иногда даже с тиснением. Знающий человек мог обзавестись многотомными собраниями сочинений любимых авторов, если только был осведомлен, куда нужно идти в Москве, куда – в Минске или Свердловске.

Конечно, милиция бдила. Конечно, кто-то регулярно попадал в неприятности, вплоть до отсидки. Однако индустрию в целом это поколебать не могло. Чересчур мощная и всеохватывающая была зараза.

А потом перестройка набрала обороты. И оказалось вдруг, что – дела немыслимые! – легальным издателем может стать любой, у кого в голове достаточно мозгов, а в кармане отыщется сумма, эквивалентная всего-то годовому заработку среднего инженера. Всемогущая КПСС отчего-то практически без боя отдала книжный рынок шустрому частнику, пре-

словутая цензура словно бы растаяла. Тогда, в восемьдесят восьмом, это казалось диким, необъяснимым, но теперь все стало понятно: номенклатура увлеченно готовилась поменять вывеску, перекраситься в авангард демократов – и все ее интересы вертелись главным образом вокруг заводов-газет-пароходов. Номенклатурщики попросту забыли за семьдесят лет, что книгоиздание может стать выгодным делом, а потому махнули на него рукой.

Поскольку природа не терпит пустот, в образовавшуюся брешь тут же ринулись обротистые мальчишки – в том числе и Вадим с Эмилем, который тогда еще был не Эмилем, а Григорием. Идея была проста: нужно понять, что необходимо народу, за что он в первую очередь готов выложить кровные.

Оказалось, народ в массе своей жаждет не столько трудов академика Сахарова и корявых мемуаров бывших узников ГУЛАГа, а вульгарного секса, каковой, оказалось, в Советском Союзе все же есть. Голод доходил до того, что в Шантарске платили пятерку за *ксерокопию* «Космической проститутки».

Золотые были времена. Во всех смыслах. В России, правда, еще правило бал пури-танство, но на окраинах дышалось немного свободнее. А потому Вадим с Эмилем через общих знакомых довольно быстро отыскали в древнем городе Минске подтощалого канди-дата химических наук со смешной фамилией Подыпа, который давно уже на досуге клепал для души эротические фантазии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.